

ГОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЛОГИКА

Хрестоматия

Составитель
А.Ю. Фомичёв

Орёл
ОрЮОИ МВД России
2008

УДК
ББК
Л

Л69   **Логика** : хрестоматия / сост. А.Ю. Фомичёв. - Орел: ОрЮОИ МВД России, 2008. – 75 с.

Данная хрестоматия предназначена для курсантов, слушателей и студентов Орловского юридического института МВД России, стремящихся углубить свои знания в области социологии.

УДК
ББК

© ОрЮОИ МВД России, 2008

Раздел 1. ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ

1.1 Логика - в наиболее широком понимании ее предмета - исследует структуру мышления, направленного на достижение истины, раскрывает лежащие в его основе закономерности.

Предмет логики исторически изменялся. Поэтому вполне естественно, что вопрос о предмете логики вызывал оживленные дискуссии, которые продолжаются до настоящего времени. Приведем некоторые высказывания о предмете формальной логики и ее значении.

Аристотель

ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА¹

Прежде всего, следует сказать, о чем исследование и дело какой [науки]: оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки. Далее следует определить, что такое посылка, термин, силлогизм, а также какой силлогизм совершенный и какой - несовершенный; затем, что значит: одно целиком содержится или не содержится в другом - и что значит: что-то сказывается обо всем или не сказывается ни об одном.

П. Абеляр

ВОЗРАЖЕНИЯ НЕКОМУ НЕВЕЖДЕ В ОБЛАСТИ ДИАЛЕКТИКИ,

КОТОРЫЙ, ОДНАКО, ПОРИЦАЛ ЗАНЯТИЕ ЕЮ И СЧИТАЛ ВСЕ ЕЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗА СОФИЗМЫ И ОБМАН²

Некие современные ученые, будучи не в состоянии постичь силу доказательств диалектики, проклинаят ее настолько, что считают ее положения скорее софизмами и обманом, нежели доводами разума. Эти слепые поводыри слепцов, не знающие, как говорит апостол, ни того, о чем они говорят, ни того, что они утверждают, осуждают то, чего они не знают, и чернят то, чего не постигают (...). Все непонятное им они называют глупостью и все, для них непостижимое, полагают бредом.

Так обуздаем же дерзость этих лишенных разума людей свидетельствами священного писания, на которое, по их признанию, они больше всего опираются, потому что мы не в силах опровергнуть их доводами разума. Пусть они, наконец, признают искусство диалектики, так сильно порицаемое ими (как противоречащее священному писанию), поскольку церковные учителя восхваляют ее и считают необходимой для этого писания. Ведь блаженный Августин решился превознести это знание великими похвалами и признал, что по сравнению с прочими искусствами только оно одно дает возможность познания и только его одно следовало бы назвать знанием. Поэтому во второй книге "О

¹ См. : Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 2004. С. 117-254.

² См.: Абеляр П. История моих бедствий. М., 2001.

порядке" он говорит: "Наука наук, которую называют диалектикой. Она учит учить, она учит учиться. В ней сам разум проявляет себя и открывает, что он такое и что он хочет; только она есть знание, и она не только хочет, но также и может творить знающих".

Он же (...) заявляет, что из всех искусств для священного писания особенно необходимыми являются диалектика и арифметика. Одна - для разрешения вопросов, другая - для разъяснения аллегорических тайн, которые мы часто находим в природе чисел; и тем более он превозносит диалектику, чем более необходимой считает ее для разъяснения всех сомнений в исследованиях. Он говорит также: "Остается то, что относится не к телесным чувствам, но к разуму души, где царят наука рассуждения и наука числа".

Ведь существует много так называемых софизмов, или ложных умозаключений, по большей части до такой степени похожих на истину, что это обманывает не только тугодумов, но даже и проницательных людей, если они недостаточно внимательны. (...) А известно, что диалектика и софистика весьма сильно отличаются друг от друга, так как первая заключается в истинности доводов, вторая - в подобии их; софистика учит ложным доказательствам, диалектика разоблачает их лживость и путем различия истинных доказательств учит опровергать ложные. Однако и то, и другое знание, а именно как диалектика, так и софистика, ведут к умению различать доказательства, и только тот сможет разобрататься в них, кто будет в состоянии отличить ложные и обманчивые доказательства от истинных и требуемых.

Ведь подобно тому, как справедливому человеку необходимо также и знание зла не для того, чтобы совершать его, но для того, чтобы избегать познанного зла, подобно этому и у диалектика должно иметься понимание софизмов, чтобы таким образом уберечь себя от них. И он будет разбираться в разумных доводах только в том случае, если, познав равно как ложные, так и истинные, он будет в состоянии отличать первые от вторых и точно судить об обоих (...) так как для познания любых предметов необходимо познание им противоположных. (...) Ложные доказательства своим сходством с истинными очень многих вовлекают в заблуждения. Поэтому различие мнений имеет место не только в области диалектики. Даже и в христианской вере имеют место многочисленные заблуждения, так как красноречивые еретики сетями своих утверждений завлекают в различные секты многих простаков, которые, не будучи искусненными в доказательствах, принимают подобие за истину и ложь за разумное. Борьба с этой чумой в спорах нас побуждают также сами церковные учителя, чтобы то, чего мы не понимаем в писании, мы постигали бы, не только молясь господу, но и исследуя это при помощи рассуждений.

Из этого вытекает и известное положение Августина в трактате "О милосердии": "Просите, молясь, ищите, рассуждая, стучитесь, спрашивая, т.е. вопрошая". Ведь мы не сможем опровергнуть нападки еретиков или каких-либо неверных, если не будем в состоянии сокрушить их рассуждения и опровергнуть их софизмы истинными доказательствами так, чтобы ложь уступила место истине и чтобы диалектики подавили софистов, всегда готовые, как увещевает святой Петр, к удовлетворению всякого спрашивающего у нас доказательства

об имеющейся у нас надежде и вере. В этом споре, когда мы победим (...) софистов, мы, конечно, выкажем себя диалектиками и тем более будем верными учениками Христа, который есть истина, чем более будем полны истинных разумных доказательств.

Наконец, кто же не знает, что как первые, так и вторые равно получили свое наименование от самого искусства рассуждения? Ведь самого сына божьего, которого мы называем словом, греки называют логос, т.е. началом божественной мысли, или божественной мудростью, или разумом. Поэтому и Августин в книге "83 вопроса" в 44 главе говорит: «Вначале было слово, которое греки называют "логос"». Он же в книге "Против пяти ересей" говорит "«Вначале было слово. Греки правильнее говорят "логос". Ведь "логос" означает и слово и разум» (...)

Ведь подобно тому, как господь Иисус Христос называется словом отца - по-гречески "логос", точно так же он называется и "Софией", т.е. мудростью отца, и потому к нему, несомненно, больше всего относится та наука, которая даже по наименованию связана с ним и по происхождению от слова "логос" названа логикой. И подобно тому, как от Христа возникло название "христиане", так и логика получила название от "логоса". Последователи ее тем истиннее называются философами, чем более истинными любителями этой высшей мудрости они являются. Эта величайшая мудрость наивысшего отца, когда она облекается в нашу природу для того, чтобы просветить нас светом истинной мудрости и обратить нас от мирской любви к любви в отношении его самого, конечно, делает нас в равной степени христианами и истинными философами (...)

На эти две добродетели ясно указало явление высочайшего духа, открывшегося в огненных языках, чтобы создать через любовь - философов, а через добродетель разумных доказательств - наивысших логиков. Поэтому хорошо, что дух явился в огне и в виде языков, дабы сообщить им любовь и красноречие на всякого рода языках. Наконец, кто не знает, что также сам господь Иисус Христос побеждал иудеев в частых спорах и подавил их клевету как писанием, так и разумным доказательством, и что он укрепил веру в себя не только могуществом чудес, но особенно силой слов.

Когда же не хватает знамений чудес, то нам остается единственный способ сражаться против любых противников: победить словами то, что мы не можем победить деяниями. В особенности когда у разбирающихся людей большую силу имеют разумные доказательства, чем чудеса, относительно коих можно легко впасть в сомнение, не сотворены ли они дьявольским наваждением (...) Но (...) и в доказательствах рождается больше всего заблуждений, и нелегко различить, когда приводятся обоснованные доказательства, которые надо принимать за таковые, и когда нужно такие отвергать как софизмы. А так (...) случается с теми, которые не достигли опытности в доказательствах. Так вот, для того, чтобы этого не случилось, следует изучать науку о доказательстве в рассуждениях, т.е. науку логики, которая, как упоминает блаженный Августин, имеет больше всего значения для исследования (...) вопросов, встречающихся в священном писании.

Г.В. Лейбниц
ЭЛЕМЕНТЫ РАЗУМА³

Когда наш разум не озарен вышним светом и не руководствуется некоей ариадниной нитью, какой до сих пор пользовались одни лишь математики, он становится ненадежным, и стоит ему отступить от опыта, как он тотчас же приходит в замешательство перед темнотой и разнообразием вещей, руководствуется обманчивыми догадками и пустыми фантазиями и с трудом может продвигаться вперед, не неся потерь. Поэтому нужно помышлять единственно о том, как найти некий инструмент для мысли, подобно диоптру и веревке землемера, весам оценщика, числу математика либо тому, чем служит телескоп для глаза, чтобы с помощью этого инструмента не только направлять наше суждение, но и продвигаться в открытиях.

Впрочем, невозможно отрицать, что древние создали кое-что в этом роде и еще до Платона появились определенные, весьма заслуживающие внимания методы применения искусства диалектики, как это можно понять из его диалогов. Аристотель, опираясь на мысли своих предшественников, первым, насколько известно, придал логике форму некоего математического знания, так что она стала доказательной. В этом смысле человеческий род многим обязан ему.

И. Кант

ЛОГИКА. Пособие к лекциям⁴

ВВЕДЕНИЕ

I. ПОНЯТИЕ ЛОГИКИ

Все в природе, как в неживом, так и в живом мире, происходит *по правилам*, хотя мы не всегда знаем эти правила. - Вода падает по законам тяжести, и у животных движение при ходьбе также совершается по правилам. Рыба в воде, птица в воздухе движутся по правилам. Вся природа, собственно, не что иное, как связь явлений по правилам, и нигде нет *отсутствия* правил. Если нам кажется, что мы нашли таковое, то в этом случае мы могли бы лишь сказать, что правила нам неизвестны.

Применение наших способностей также происходит по известным правилам, которым мы следуем сначала не сознавая их, пока постепенно, благодаря опыту и продолжительному применению своих способностей, не достигаем их познания и в конце концов применяем эти правила столь быстро, что стоит большого труда мыслить их *in abstracto*. Так, например, общая грамматика есть форма языка вообще. Говорят, однако, и не зная грамматики, но говорящий без ее знания - в действительности обладает грамматикой и говорит по правилам, которые он тем не менее не осознает.

Как и все наши способности в совокупности, так, в особенности, и рассудок связаны в своих действиях правилами, которые мы можем исследовать. Более

---

³ См.: Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 2004. С. 446-460.

⁴ См.: Кант И. Трактаты и письма. М., 2000. С. 319-444.

того, рассудок следует рассматривать в качестве источника и способности мыслить правила вообще. Ибо как чувственность есть способность созерцаний, так рассудок есть способность мыслить, т.е. подводить представления чувств под правила. Поэтому он настойчиво стремится отыскать правила и удовлетворяется, когда их находит. Итак, если рассудок является источником правил, то спрашивается, по каким правилам он действует сам?

Ведь нет никакого сомнения, что мы не могли бы мыслить или употреблять свой рассудок иначе, как по известным правилам. Но эти правила мы опять-таки можем мыслить сами по себе, т.е. можем мыслить их вне их применения, или *in abstracto*. Каковы же эти правила?

Все правила, по которым действует рассудок, - или *необходимы*, или *случайны*. Первые - те, без которых не было бы возможно никакое применение рассудка; последние - те, без которых не было бы лишь некоторого, определенного его применения. Случайные правила зависят и от определенных объектов познания и столь же разнообразны, как и сами эти объекты. Таково, например, применение рассудка в математике, метафизике, морали и т.д. Правила этого частного, определенного употребления рассудка в упомянутых науках случайны, ибо является случайным, мыслю ли я тот или другой объект, к которому относятся эти особые правила.

Но если теперь всякое познание, которое мы должны заимствовать только от предметов, мы оставим в стороне и обратим внимание исключительно на применение рассудка вообще, то мы откроем те его правила, которые просто необходимы во всех отношениях и независимы от всех особых объектов мышления, так как без них мы вовсе не могли бы мыслить. Такие правила могут поэтому рассматриваться *a priori*, т.е. *независимо от всякого опыта*, ибо они содержат лишь условия применения рассудка вообще, будет ли оно *чистым* или *эмпирическим*, *независимо от различия предметов*. И вместе с тем отсюда следует, что всеобщие и необходимые правила мышления вообще могут касаться только его *формы*, но отнюдь не *материи*. Поэтому наука, которая содержала бы эти всеобщие и необходимые правила, была бы наукой только о форме нашего рассудочного познания или мышления. И следовательно, мы можем образовать идею возможности такой науки - как и общей *грамматики*, которая не содержит ничего, кроме одной лишь формы языка вообще, без слов, составляющих материю языка.

Такую науку о необходимых законах рассудка и разума вообще, или - что одно и то же — об одной лишь форме мышления вообще, мы называем *логикой*.

Как науку, занимающуюся всяким мышлением вообще, независимую от *объектов* как материи мышления, логику следует рассматривать:

1) как *основу* всех других наук и как *пропедевтику* всякого употребления рассудка. Но именно потому, что она совершенно отвлекается от всяких объектов,

2) она не может быть *органоном* наук.

Под *органоном* мы разумеем именно указание, как должно осуществляться определенное познание. Но это предполагает, что объект познания, которое

должно возникнуть по известным правилам, я уже знаю. Поэтому органон наук не есть просто логика, ибо он предполагает точное знание наук, их объектов и источников. Так, например, превосходным органом является математика, как наука, которая содержит в себе основание для расширения нашего познания в отношении определенного применения разума. Напротив, логика, которая, как всеобщая пропедевтика всякого применения рассудка и разума вообще, не может проникать в науки и предвосхищать их материю, есть лишь *общее искусство разума...* придавать познанию вообще форму, соответствующую рассудку, и, следовательно, лишь в этом смысле она может быть названа органом, который служит, конечно, не для *расширения*, а для *оценки* и *исправления* нашего знания.

3) Но в качестве науки о необходимых законах мышления, без которых нет никакого применения рассудка и разума и которые, следовательно, суть условия, при коих рассудок единственно может и должен быть в согласии с самим собою - необходимые законы и условия его правильного применения, - логика является *канон*. И, как канон рассудка и разума, логика поэтому также не может заимствовать принципы ни из какой-либо науки, ни из какого-либо опыта; она должна содержать только законы а priori, которые являются необходимыми и касаются рассудка вообще.

Правда, некоторые логики предполагают в логике *психологические* принципы. Но вносить в логику такие принципы столь же бессмысленно, как черпать мораль из жизни. Если бы мы заимствовали принципы из психологии, т.е. из наблюдений над нашим рассудком, то мы и видели бы лишь, *как* совершается мышление и *каково* оно при разного рода субъективных затруднениях и условиях; следовательно, это вело бы к познанию лишь *случайных* законов. Но в логике стоит вопрос не о *случайных*, а *необходимых* правилах — не о том, как мы мыслим, а о том, как мы должны мыслить. Поэтому правила логики следует черпать не из *случайного*, а из *необходимого* применения рассудка, которое находят у себя помимо всякой психологии. В логике мы хотим знать не то, как рассудок существует и мыслит и как он до сих пор действовал в мышлении, а то, как он должен действовать в мышлении. Она должна учить нас правильно, т.е. согласно с самим собою, применению рассудка.

Из данного объяснения логики можно теперь вывести и остальные существенные свойства этой науки, именно что она есть:

4) наука о разуме не только по форме, но и по материи, так как ее правила почерпнуты не из опыта и так как она вместе с тем имеет своим объектом разум. Поэтому логика есть самопознание рассудка и разума, но не в смысле их способностей в отношении объектов, а в смысле одной лишь формы. Я не буду спрашивать в логике, что познает рассудок и как много он может познать, или **как далеко** простирается его познание? Ибо это было бы самопознанием [рассудка]- в смысле его материального применения и, следовательно, относилось бы к метафизике. В логике есть лишь вопрос: **как рассудок познает себя самого?**

Будучи по материи и по форме наукой рациональной, логика является, наконец,

5) доктриной, или демонстративной теорией. Так как она занимается не обычным /gemeinen/ и, в качестве такового, лишь эмпирическим употреблением рассудка и разума, а исключительно всеобщими и необходимыми законами мышления вообще, то она покоится на принципах a priori, из которых могут быть выведены и доказаны все ее правила как такие, с которыми должно соотноситься всякое познание разума.

Поскольку как наука a priori, или как доктрина, логика является канонем применения рассудка и разума, она существенно отличается от **эстетики**, которая, будучи только **критикой вкуса**, не имеет никакого канона (закона), но лишь **норму** (образец или путеводную нить лишь для оценки), заключающуюся в общем согласии. Эстетика содержит правила соответствия познания с законами чувственности; напротив, логика содержит правила соответствия познания с законами рассудка и разума. Первая имеет лишь эмпирические принципы и, следовательно, никогда не может быть наукой или доктриной, поскольку под доктриной разумеется догматическое руководство согласно принципам a priori, где все усматривается посредством рассудка, без каких-либо указаний опыта, и она дает нам правила, следование которым доставляет требуемое совершенство.

Некоторые, в особенности ораторы и поэты, пытались резонерствовать относительно вкуса, но они никогда не могли вынести относительно него решающего суждения. Философ **Баумгартен** во Франкфурте составил план эстетики как науки; но лишь Хоум правильно назвал эстетику **критикой**, ибо она не дает правил a priori, которые достаточно определяли бы суждение, как логика, но добывает свои правила a posteriori, а эмпирические законы, по которым мы познаем менее совершенное и более совершенное /прекрасное/, превращает в более общие только путем сравнения.

Итак, логика есть нечто большее, чем только критика; она есть канон, который затем служит для критики, т.е. принципом оценки всякого применения рассудка вообще, правда лишь его правильности с точки зрения одной только формы, ибо органом она является столь же мало, как и общая грамматика.

Вместе с тем, как пропедевтика всякого применения рассудка вообще, общая логика отличается также, с другой стороны, и от **трансцендентальной логики**, в которой сам предмет представляется как предмет одного только рассудка; общая логика, напротив, относится ко всем предметам вообще.

Соединяя теперь все существенные признаки, принадлежащие полному определению понятия логики, мы должны будем установить относительно нее следующие понятия.

Логика есть наука о разуме не только по форме, но и по материи, - априорная наука о необходимых законах мышления, но не в отношении отдельных предметов, а всех предметов вообще; следовательно - наука о правильном применении рассудка и разума вообще, но не о субъективном употреблении, т.е. по эмпирическим /психологическим/ принципам, не о том, как рассудок мыслит, а об объективном применении, т.е. по принципам a priori, о том, как он должен мыслить.

II. ГЛАВНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ЛОГИКИ. - ИЗЛОЖЕНИЕ. - ПОЛЬЗА ЭТОЙ НАУКИ

Логика разделяется:

1) на *аналитику* и *диалектику*.

Аналитика открывает посредством расчленения все действия разума, которые мы вообще совершаем при мышлении. Она есть, следовательно, аналитика формы рассудка и разума и по праву называется также логикой истины, так как содержит необходимые правила всякой (формальной) истины, без какой наше знание неистинно уже само по себе, независимо от объектов. Она есть, следовательно, также не что иное, как канон для распознавания (формальной правильности нашего познания).

Когда эту лишь теоретическую и общую доктрину хотят применить в качестве практического искусства, т.е. органа, то она становится *диалектикой*. Из простого злоупотребления аналитикой возникает *логика видимости* (*ars sophistica, disputatoria*), поскольку *по одной логической форме* создается видимость истинного знания, признаки которого должны между тем черпаться из соответствия с объектами, следовательно, из *содержания*.

В прежние времена диалектика изучалась с большим прилежанием. Искусство это под видимостью истины выставляло ложные основоположения и пытались сообразно с ними высказывать утверждения о вещах. У греков диалектиками были адвокаты и ораторы, умевшие склонять народ, к чему они хотели, поскольку его можно было уверить в обманчивой видимости. Таким образом, диалектика тогда была искусством видимости. В логике также долгое время она излагалась под именем **искусства спора**, и вся логика и философия столь же долго были культурой разных болтунов для выдумывания всевозможных видимостей. Но ничто не может быть более недостойным для философа, как культивирование такого искусства. Поэтому в таком значении оно должно быть совершенно отброшено и вместо него скорее должна быть введена в логику критика этой видимости.

Тогда мы имели бы две части логики: **аналитику**, излагающую формальные критерии истины, и **диалектику**, которая содержала бы признаки и правила, благодаря которым мы могли бы узнавать, что то или другое не согласуется с формальными критериями истины, хотя и кажется прямо согласным с ними. Таким образом, в этом значении диалектика была бы полезна в качестве **чистилища** /*Kathartikon*/ рассудка.

Далее логику принято разделять:

2) на логику **естественную, или популярную, и на искусственную, или научную** /*logica naturalis, log. scholastica, sive artificialis*/.

Но такое разделение неправомерно. Ибо естественная логика, как логика обычного разума /*sensus communis*/, есть, собственно не логика, но антропологическая наука, имеющая лишь эмпирические принципы, так как она трактует о правилах естественного применения рассудка и разума, каковые познаются лишь *in concrete*, следовательно помимо сознания их *in abstracto*. - Поэтому лишь искусственная, или научная, логика заслуживает этого имени, как наука о

необходимых и всеобщих правилах мышления, которые могут и должны быть познаваемы *in concrete a priori*, независимо от естественного применения рассудка и разума, хотя первоначально их можно было бы находить лишь посредством наблюдения этого естественного применения.

3) Есть еще другое разделение логики - на логику **теоретическую и практическую**. Но и это разделение неправильно.

Общая логика, которая, будучи лишь каноном, отвлекается от всяких объектов, не может иметь практической части. Последняя была бы *Contradictio in adjecto*, так как практическая логика предполагает знание известного рода предметов, к которым она прилагается. Поэтому **практической логикой** мы можем называть каждую науку, ибо в каждой из них мы имеем определенную форму мышления. Поэтому общая логика, в качестве практической, может быть лишь **техникой учености вообще - органом школьного метода**.

Вследствие такого разделения логика имела бы части: **догматическую и техническую**. Первую можно было бы назвать **учением об элементах**, вторую - **учением о методе**. Практическая или техническая часть логики была бы логическим искусством по части упорядочения и логических искусственных выражений и различении, чтобы этим облегчить рассудку его деятельность.

В обеих частях, как технической, так и догматической, не следовало бы обращать ни малейшего внимания ни на объекты, ни на субъект мышления. - В последнем отношении логику можно было бы разделить:

4) на логику **чистую и прикладную**.

В чистой логике мы отделяем рассудок от остальных душевных способностей и рассматриваем, что он делает лишь сам по себе. Прикладная логика рассматривает рассудок в смешении его с другими способностями души, которые влияют на его действия и придают ему превратное направление, так что он не следует тем законам, правильность которых сам же усматривает. — Прикладная логика, собственно, не должна бы называться логикой. Это - психология, в которой мы рассматриваем, как обычно происходит наше мышление, а не как оно должно происходить. Правда, она говорит в конце концов, что делать, чтобы, несмотря на различные субъективные препятствия и ограничения, применение рассудка было правильным; кроме того, благодаря ей мы можем узнать, что способствует правильному применению рассудка, каковы вспомогательные средства, предохраняющие от ошибок и заблуждений. Но пропедевтикой она все-таки не является. Ибо психология, из которой прикладная логика должна черпать все, есть часть философских наук, для которых логика и должна быть пропедевтикой.

Правда, говорят: в прикладной логике должны указываться техника, вид и способ построения науки. Но это бесполезно и даже вредно. В таком случае начинают строить, еще не имея материала, и дают форму, когда еще нет содержания. Техника должна излагаться для каждой науки.

Наконец,

5) что касается разделения логики на логику **обычного /gemeinen/ и спекулятивного** рассудка, то заметим здесь, что эта наука вовсе не может разделяться таким образом.

Она не может быть наукой спекулятивного рассудка. Ибо как логика спекулятивного познания, или спекулятивного применения разума, она была бы органом других наук, а не просто пропедевтикой, которая должна относиться ко всякому возможному применению рассудка и разума.

Столь же мало логика может быть **продуктом обычного** рассудка. Обычный рассудок есть именно способность усматривать правила познания *in concrete*. Логика же должна быть наукой о правилах мышления *in abstracto*.

Впрочем, всеобщий человеческий рассудок можно делать объектом логики, и поскольку она отвлекается от особых правил спекулятивного разума, она, следовательно, отличается от логики **спекулятивного рассудка**.

Что касается **изложения** логики, то оно может быть или **схоластическим**, или **популярным**.

Оно является **схоластическим**, когда соответствует любознательности, способностям и культуре тех, которые стремятся трактовать знание логических правил как науку. - Оно - **популярно**, когда опускается до способностей и потребностей тех, которые не изучают логику как науку, а лишь хотят воспользоваться ею для просвещения своего рассудка. - В схоластическом изложении правила должны излагаться в **их всеобщности**, или *in abstracto*, напротив, в популярном - в их частном [применении], или *in concrete*. Схоластическое изложение является фундаментом популярного, ибо только тот может излагать нечто популярно, кто мог бы изложить это и более основательно.

Впрочем, **изложение** мы отличаем здесь от **метода**. Под **методом** следует понимать **вид и способ**, каким может быть полностью познан известный объект, для познания которого он [метод] может применяться. Он должен выводиться из природы самой науки и, следовательно, будучи определенным наукой и необходимым порядком мышления, не может изменяться. **Изложение** же обозначает лишь манеру сообщать свои мысли другим так, чтобы делать доктрину понятной.

Исходя из того, что было нами до сих пор сказано о сущности и цели логики, теперь можно определить ценность этой науки и пользу ее изучения по правильному и определенному масштабу.

Итак, логика не является общим искусством изобретения и органом истины; она и не алгебра, с помощью которой можно обнаруживать скрытые истины. Однако она полезна и необходима как **критика знания** или для оценки как обычного, так и спекулятивного разума, но не для того, чтобы его учить, а лишь для того, чтобы **корректировать** его и согласовывать с самим собою. Ведь логический принцип истины есть согласие рассудка со своими собственными общими законами.

И. Кант ТРАКТАТЫ И ПИСЬМА⁵

...Логика (...) хотя она исследует каждое применение рассудка вообще, она, однако, не способна указать, на какие объекты и сколь далеко будет распространяться рассудочное познание, а должна в этом случае подождать, что ей сообщит о предметах ее применения опыт или еще что-нибудь (например, математика).

Г. Фреге МЫСЛЬ: ЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁶

Эстетика соотносится с прекрасным, этика - с добрым, а логика - с истиной. Конечно, истина является целью любой науки; но для логики истина важна и в другом отношении. Логика связана с истиной примерно так же, как физика - с тяготением или с теплотой. Открывать истины - задача любой науки; логика же предназначена для познания законов истинности (...). Из законов истинности выводятся в свою очередь правила, определяющие мышление, суждения, умозаключения (...). Чтобы исключить всякое неправильное понимание и воспрепятствовать стиранию границ между психологией и логикой, я буду считать задачей логики обнаружение законов истинности, а не законов мышления.

А.И. Введенский ЛОГИКА КАК ЧАСТЬ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ⁷

Логикой называется наука о правильности и ошибочности мышления. Правильным же называется мышление, пригодное для расширения знания, а ошибочным или неправильным - непригодное для этой цели Задача логики состоит в том, чтобы: 1) отыскать те правила или условия, при исполнении которых (будет ли оно преднамеренным или ненамеренным, это все равно) мышление выходит пригодным для расширения знания; 2) объяснить их законами мышления; 3) с помощью найденных ею правил выследить все те ошибки мышления (т.е. нарушения этих правил), которые встречаются в нем в деле, и описать их состав, т.е. указать, в чем состоит каждая из них. Выражение "встречающиеся на деле ошибки" означает такие ошибки, которые не столь грубы, не столь резко кидаются в глаза, чтобы их никто не допускал. Напротив, они попадают даже в некоторых научных произведениях.

[С.1]

---

⁵ См.: Кант И. Трактаты и письма. М., 1990. С. 546.

⁶ См.: Философия, логика, язык. М., 1987. С. 18-19.

⁷ См.: Введенский А.И. Логика как часть теории познания. 3-е изд. Пг., 1997.

... Логика выполняет важное назначение: она говорит нам: что из чего следует... Любой математический текст демонстрирует нам логические связи. И не только математический - логика используется точно так же для систематизации научного знания вообще, да и в повседневной жизни она служит инструментом рассуждений и доказательств.

[С. 11]

Г.Х. фон Вригт ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ В XX ВЕКЕ⁹

Логика изучает *структурные* аспекты силлогистических рассуждений, которые мы называем аргументацией, выводом или доказательством. Она дает правила суждения о корректности перехода от посылок к заключениям, но не правила суждения об истинности самих посылок и заключений. Это придает логике ее *формальный* характер - и именно это имели в виду и Кант, и Гегель, когда жаловались на "пустоту" предмета и отсутствие *содержания*.

[С. 81]

1.2. Великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, проанализировав достоинства и ограниченность формальной (аристотелевской) логики, обнаружив ее неспособность в удовлетворении назревших потребностей теоретического мышления и общественной практики, делает попытку создания диалектической логики, т.е. превращения логики в теорию развивающегося познания, перехода от истины относительной к истине абсолютной, от знания абстрактного к знанию конкретному. Идеи Гегеля нашли отклик прежде всего у философов и логиков диалектико-материалистической ориентации.

Г.В.Ф. Гегель НАУКА ЛОГИКИ¹⁰

Полное изменение, которое претерпел у нас за последние двадцать лет характер философского мышления, более высокая точки зрения на само себя, которую в этот период достигло самосознание духа, до сих пор еще оказали мало влияния на облик логики (...)

(...) Экзотерическое учение кантонской философии, гласящее, что *рассудок не вправе перешагивать область опыта* и что иначе познавательная способность становится *теоретическим разумом*, который сам по себе порождает только *химеры*, — это учение оправдывало с научной стороны отказ от спекулятивного мышления. Содействовали этому популярному учению и вопли новейшей педагогики (требование времени, направляющее взор людей на непо-

⁸ См.: Клини С.К. Математическая логика. М., 1973.

⁹ См.: Вопросы философии. 2002, № 8. С. 80-91.

¹⁰ См.: Гегель Г.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М., 1990.

средственные нужды) о том, что подобно тому как главное для познания - опыт, так и для преуспевания в общественной и частной жизни теоретическое понимание даже вредно, а существенно, единственно полезно - упражнение и вообще практическое образование. Таким образом, поскольку наука и здравый человеческий смысл способствовали крушению метафизики, казалось, что в результате их общих усилий возникло странное зрелище - *образованный народ без метафизики* - нечто вроде храма, в общем-то разнообразно украшенного, но без святыни(...)

(...) *Логика* испытала не столь печальную участь, как метафизика. Предрассудок, будто логика *научает мыслить*, - в этом раньше видели ее пользу и, стало быть, ее цель (это похоже на то, как если бы сказали, что только благодаря анатомии и физиологии мы научаемся переваривать пищу и двигаться), - этот предрассудок давно уже исчез, и дух практичности уготовлял ей, по-видимому, не лучшую участь, чем ее сестре. Тем не менее, вероятно, ввиду приносимой ею некоторой формальной пользы, ей было еще оставлено место среди наук, и ее даже сохранили в качестве предмета публичного преподавания. Но этот лучший удел касается только ее внешней участи, ибо ее форма и содержание остались такими же, какими они по давней традиции передавались от поколения к поколению, причем, однако, при этой передаче ее содержание делалось все более и более тощим и скудным; в ней еще не чувствуется тот новый дух, который выявился в науке не менее, чем в действительности. Но совершенно тщетно желание сохранить формы прежнего образования, когда изменилась субстанциальная форма духа. Они представляют собой увядшие листья, спадающие под напором новых почек, образовавшихся у их основания.

Игнорирование этой общей перемены начинает постепенно исчезать также и в научной области. Незаметно эти новые представления стали привычными даже противникам, они усвоили их, и если они все еще высказывают пренебрежение к источнику этих представлений и лежащим в их основе принципам и оспаривают их, то зато им приходится мириться с выводами, и они оказываются не в силах противиться влиянию последних. Помимо того, что все больше и больше слабеет их отрицательное отношение [к указанным представлениям], эти противники не знают иного способа придать своим работам положительное значение, кроме как вместе с другими начинать говорить языком новых представлений.

С другой стороны, уже прошло, по-видимому, время брожения, с которого начинается всякое новое творчество. Первоначально это творчество относится с фантастической враждебностью к существующей обширной систематизации прежнего принципа; отчасти оно опасается также, что потеряется в простран-ных частностях, отчасти же страшится труда, требуемого для научной разработки, и, чувствуя потребность в такой разработке, хватается сначала за пустой формализм. Ввиду этого требование, чтобы содержание подверглось обработке и было развито, становится еще более настоятельным. В формировании той или иной эпохи, как и в формировании отдельного человека, бывает период, когда речь идет главным образом о приобретении и утверждении принципа в его неразвитой еще напряженности. Однако более высокое требование состоит

в том, чтобы этот принцип стал наукой.

Но, что бы ни было уже сделано в других отношениях для сути и формы науки, логическая наука, составляющая собственно метафизику или чистую спекулятивную философию, до сих пор находилась еще в большем пренебрежении. (...) Необходимость вновь начать в этой науке с самого начала, природа самого предмета и отсутствие таких подготовительных работ, которые можно было бы использовать для предпринятого [нами] преобразования, - пусть все эти обстоятельства будут приняты во внимание справедливыми критиками, если окажется, что и многолетний труд автора не смог сообщить этой попытке большее совершенство. Важно иметь в виду, что дело идет о том, чтобы дать новое понятие научного рассмотрения.

[С. 75-78]

Г.В.Ф. Гегель **ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА**¹¹

Предметом науки логики является мышление и совокупность его определений. Естественной логикой называют естественный рассудок, которым человек, собственно говоря, наделен от природы, и то, как он им непосредственно пользуется. Наука же логики - это знание о мышлении в его истине.

Пояснение. Логика рассматривает области мысли вообще. Мышление есть его собственная сфера. Оно представляет собой целое для себя. Содержанием логики являются специфические определения самого мышления, не имеющие никакого другого основания, кроме мышления. Все гетерономное для мышления - это вообще *данное* представлением. Логика, таким образом, представляет собой великую науку. Необходимо, разумеется, отличать чистую мысль от реальности, тем не менее реальность, если понимать под ней истинную действительность, присуща также и мысли. Если же под реальностью понимается только чувственное, внешнее наличное бытие, то мысль имеет даже гораздо более высокую реальность. Мышление, следовательно, включает в себе некоторое содержание, а именно себя самого, *автономным* образом. Благодаря занятиям логикой научаются также более правильно мыслить, ибо, если мы мыслим мышление о мышлении, дух достигает тем самым своей силы. Зная природу мышления, можно уследить, когда мышление захочет дать себя ввести в заблуждение. Мы должны дать себе отчет в действиях мышления. Благодаря этому мы обретаем умение не давать другим сбить нас с толку.

[С. 91]

---

¹¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1991. С. 7-211.

Ф. Энгельс АНТИ-ДЮРИНГ¹²

Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения.

[С. 138]

Г.В. Плеханов ИЗБР. ФИЛОС. ПРОИЗВЕДЕНИЯ¹³

Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно "основным законам" мысли) есть частный случай диалектического мышления (...) Основные законы формальной логики применимы также и к движению.

[С. 81, 83]

В.И. Ленин

ЕЩЕ РАЗ О ПРОФСОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ гг. ТРОЦКОГО И БУХАРИНА¹⁴

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться - с поправками - для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно и что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно[^]..), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и "опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, "самодвижении" (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное "определение" предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что "абстрактной истины нет, истина всегда конкретна".

[С. 289-290]

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 5-342.

¹³ См.: Плеханов Г.В. Избр. филос. Произведения. В 5 т. Т. 5. С. 81, 83.

¹⁴ См.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 42. С. 264-304.

Г. Уэллс **ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И КРИЗИС МЫСЛИ**¹⁵

Принципы и законы формальной логики направляют развитие наук главным образом в те периоды, когда они находятся на стадии классификации фактических данных: астрономию - при классификации небесных тел, геологию — при классификации крупномасштабных образований, включая земную кору, ботанику - при классификации растений, историю - при классификации обществ, психологию - при классификации психических явлений и т.д. Вклад формальной логики в развитие наук в течение всех этих стадий, когда происходит первичная обработка фактов, вряд ли может быть преувеличен.

На первых этапах развития наук формальная логика обеспечивает один из двух элементов научной методологии - классификаторскую дедукцию - то есть структуру классификации с соответствующей формулировкой и оценкой гипотез. Дедукция в виде отношений между классами использовалась как основание другого элемента научного метода - индукции на основе наблюдения. Классификаторская дедукция и индукция на основе наблюдения в комбинации и на протяжении более чем двух тысячелетий образуют метод всех наук.

(...) Диалектическая логика является наукой о наиболее абстрактной структуре реальных взаимосвязей между явлениями: пространственными и временными, механически движущимися и развивающимися, физическими и психическими. Как таковая, она лучше всего соответствует экспериментальному методу и новому, имеющему 150-летнюю историю, содержанию наук. Она имеет дело с сущностью настолько же, насколько и с явлением, рассматривая их как неотделимые друг от друга, хотя и по видимости противоположные категории мышления.

[С. 221-222]

И.С. Нарский **ДИАЛЕКТИКА РАССУДКА В ЛОГИКЕ ГЕГЕЛЯ**¹⁶

Диалектика нуждается в рассудочных, формально-логических правилах и формах как в своем подчиненном, но жизненно важном органе. Следовательно, диалектика "снимает" формальную логику так, что сохраняет ее в рамках более высокого способа мышления, а не так, что преодолевает ее как якобы в принципе отчужденное состояние.

М.В. Попович **НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЯЗЫКА НАУКИ**¹⁷

Неверно мнение, будто формальная логика изучает статику мышления и научного познания, а какая-то другая наука призвана изучать динамику. Всякая наука изучает динамику через статику. Евклидова геометрия изучает то, что ос-

---

¹⁵ См.: Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977. С. 221-248.

¹⁶ См.: Филос. науки, 1975. № 4.

¹⁷ См.: Язык и логическая теория. М., 1987. С. 20-28.

тается неизменным при перемещении фигур на плоскости и в повороте на угол. Тем самым изучаются и эти перемещения, так что нелепо было бы требовать создания науки, которая в отличие от "метафизической" евклидовой геометрии изучала бы не инварианты, а сами "перемещения и повороты".

А.Д. Александров **ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПОЗИЦИЯ УЧЕНОГО**¹⁸

Когда говорят: "Диалектика в математике не нужна — я доказываю теоремы без диалектики", то во второй части фиксируют несомненный факт, ибо доказательство следует достаточно формальному пути и иначе не есть математическое доказательство. Но так же шофер, ведущий машину, не пользуется ни теорией тепловых двигателей, ни какой бы то ни было частью теории автомобиля. Он также может гордо заявить, что ему все эти теории не нужны, он и без них обходится прекрасно. Но он упускает из виду, что для того, чтобы он мог "без них обходиться", именно эти теории и нужны — без них автомобиль был бы по меньшей мере плох. Так же и те, кто из ненадобности диалектики в доказательствах заключают о ее ненадобности вообще, упускают из виду простой факт: они могут доказывать свои теоремы только потому, что область понятий, к которой их теоремы относятся, была когда-то определена и что этот процесс определения новой области науки, формирования новых понятий вовсе не формальный, он имеет свою, хотя и более трудную и глубокую, логику. Это логика - логика изменения понятий в соответствии с задачами познания — и есть диалектика. Поэтому утверждения о ненужности диалектики, философии и прочее есть не более как та же самодовольная некультурность, какую проявляет иной неразвитый "дезяга", чванящийся тем, что "все эти теории ему не нужны". Следует подчеркнуть тот исторический факт, что почти все действительно великие математики были философами-мыслителями.

[С. 69-70]

1.3. Важнейшая задача логики - выработка знаковых моделей, которые способствовали бы получению, переработке и сообщению информации. Поэтому естественна тесная связь логики с риторикой. Однако взаимодействие этих дисциплин на протяжении веков складывалось не просто. Многим связь между ними казалась несущественной. И все же наиболее выдающиеся мыслители понимали, что красноречие должно служить истине и потому отмечали ценность достижений логики для риторики и наоборот. В приведенных отрывках из произведений разных авторов освещается этот факт.

---

¹⁸ См.: Александров А.Д. Проблемы науки и позиция ученого. М., 1988.

Т. Гоббс **ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ**
ЧАСТЬ 3. О ГРАЖДАНИНЕ¹⁹

Саллюстий противопоставляет *мудрость* и *красноречие*, отдавая последнее как необходимое качество человеку, от рождения склонному к мятежам, в первой же видя повелительницу мира. Но *красноречие* бывает двоякого рода: одно ясно и изящно раскрывает мысли и понятия, складывающиеся в уме, возникая из созерцания самого мира и из точного и определенного понимания собственного значения употребляемых слов, второе же стремится возбудить такие душевные аффекты, как *надежда*, *страх*, *гнев*, *сострадание*, являясь результатом метафорического употребления слов, старающегося приспособиться к состоянию души слушателя. Первый вид красноречия строит свою речь на истинных принципах, второй - на расхожих мнениях, каковы бы они ни были. Искусство первого - *логика*, второго - *риторика*. Цель первого - истина, второго — победа. Оба находят и свое применение: первое есть средство размышления, второе - убеждения. Ведь первый вид красноречия никогда не растает с мудростью, второй же - почти никогда не встречается с ней.

[С.398]

П.Л. Сопер **ОСНОВЫ ИСКУССТВА РЕЧИ**²⁰

Логику нельзя рассматривать как предмет, имеющий академическое значение и не связанный с остальными элементами построения речи. Люди рассуждают не в пустом пространстве (...) Подбирая материал, вы можете применять логические методы проверки ваших суждений при решении вопроса, чем воспользоваться и что отвергнуть. При составлении конспекта вам придется проверять, соответствуют ли тезисы и подтезисы нормам логического мышления, опирающегося на надлежащие фактические данные. Развивая речь и пользуясь вспомогательным материалом (определениями, примерами, статистическими данными и т.д.), вы обязаны прибегать к приемам логической проверки, насколько он имеет отношение к существу речи о достаточен ли он. Помните, что логические доводы вместе со вспомогательными данными составляют доказательственную основу речи, и поэтому все, что вы говорите в агитационной речи, должно пройти логическую проверку. В конце концов, знание возможных ошибок в логических доводах поможет вскрывать и опровергать их в аргументах, направленных против ваших положений (...) Слушатели, не искушенные в логике, часто подпадают под неограниченную власть ловких ораторов, извращающих факты в своих порочных целях.

[С. 256]

---

¹⁹ См.: Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 207-506.

²⁰ См.: Сопер П.Л. Основы искусства речи. М., 1992.

Раздел 2. ИМЯ или ПОНЯТИЕ

2.1. Имя - важнейшая категория формальной логики и лингвистики. Исторически эта категория разрабатывается прежде всего в двух планах - синтаксическом (как элемент в структуре более сложных языковых выражений) и семантическом (в плане соотношения с предметами внеязыковой реальности). Многими мыслителями, начиная с Аристотеля, имя рассматривалось как средство обозначения и выражения идей, образов и представлений. В более поздних исследованиях (конец XIX - первая половина XX веков) имена соотносятся с самими предметами. Широкую известность получает концепция значения и смысла имени Г. Фреге. В настоящее время исследования сдвигаются в сторону прагматики, и центральной проблемой становится понимание и усвоение имени.

Аристотель **ОБ ИСТОЛКОВАНИИ**²¹

Имя есть такое звуко сочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает... В составных именах дело обстоит не так, как в простых, ибо в последних ни одна часть не значима, а в первых имеется все же намек на значение, хотя в отдельности [каждая часть] ничего не означает (...)

[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя.

"Не-человек" не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем, (потому что он одинаково подходит к чему угодно - к существующему и к несуществующему). "Филона" же или "Филону" не имена, а падежи имени. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] "есть", или "было", или "будет" они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает; например, "Филона есть" или "Филона не есть" не выражает ни истины, ни лжи.

Аристотель **О СОФИСТИЧЕСКИХ ОПРОВЕРЖЕНИЯХ**²²

... Так как нельзя при рассуждениях приносить самые вещи, а вместо вещей мы пользуемся как их знаками именами, то мы полагаем, что то, что происходит с именами, происходит и с вещами, как это происходит со счетными камешками для тех, кто ведет счет. Но соответствия здесь нет, ибо число имен и слов ограничено, а количество вещей неограничено. Поэтому одно и то же слово и одно имя неизбежно обозначает многое.

[С.536]

²¹ См.: Аристотель. Соч. : В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 91-116.

²² См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 533-592.

Т. Гоббс
**ОСНОВ ФИЛОСОФИИ ЧАСТЫ1.
О ТЕЛЕ²³**

Имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, чтобы возбуждать в нашем уме мысли, сходные с прежними мыслями, и одновременно, будучи вставленным в предложение и обращенным, к кому-либо другому, служить признаком того, какие мысли были и каких не было в уме говорящего. Вкратце замечу только, что я считаю возникновение имен результатом произвола, что является, по моему мнению, предположением, не подлежащим никакому сомнению.

Ибо тот, кто наблюдает, как ежедневно возникают новые имена и исчезают старые и как различные нации употребляют различные имена, кто видит, что между именами и вещами нет никакого сходства и невозможно никакое сравнение, не может серьезно думать, будто имена вещей вытекают из их природы. Ибо если некоторые имена животных и вещей, которые употребляли наши пра-родители, были установлены самим Богом, то он ведь установил их по своему усмотрению. Да и эти имена позднее, во время постройки вавилонской башни, и вообще с течением времени вышли из употребления, были забыты и заменены другими, произвольно изобретенными и применяемыми людьми.

И наконец, каково бы ни было употребление слов в обыденной жизни, во всяком случае философы, стремившиеся сообщить другим свои знания, всегда имели и будут иметь возможность, даже - необходимость выбирать по собственному усмотрению имена для отчетливого обозначения своих мыслей, чтобы быть понятыми. Ведь и математикам никто, кроме их самих, не указывает слов, когда они называют изобретенные ими фигуры параболлами, гиперболлами, циссоидами, квадратрисами или обозначают величины как *A* и *B*.

5. Так как, согласно определению, имена как составные части речи есть знаки наших представлений, то отсюда ясно, что они не есть знаки самих вещей. В самом деле, в каком еще смысле сочетание звуков в слове "камень" может явиться знаком камня, если не в том, что слушатель, исходя из этого сочетания, заключает: говорящий думал о камне. Таким образом, спор о том, обозначают ли имена *материю*, *форму* или нечто представляющее их соединение, и другие подобные тонкости метафизиков вытекают только из ложных представлений. Кто основывается на таких представлениях, не понимает слов, о которых он спорит.

6. К тому же вообще необходимо, чтобы каждое имя было именем некоей вещи. Ведь подобно тому, как слова *дерево*, *человек*, *камень* суть имена самих вещей, так и образы человека, камня, дерева, возникающие во сне, имеют свои имена, хотя это и не вещи, а только воображаемые их образы. Ведь мы можем помнить и о них, а потому и они должны, подобно вещам иметь свои метки и знаки. Точно так же и слово *будущее* является именем, но будущее как вещь не

---

²³ См.: Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 66-218.

существует, и мы не знаем, наступит ли когда-нибудь то, что именуется нами будущим. Однако это слово имеет определенный смысл: привыкнув связывать в мышлении прошлое с будущим, мы обозначаем такого рода связь словом "будущее". Мы обозначаем именем и то, чего нет, не было, не будет и не может быть, говоря: *то, чего нет, не было* и не будет, или, короче, *невозможное*. Наконец, и слово *ничто* есть имя, но по самому смыслу своему не может обозначать вещи. И тем не менее как полезно это слово, когда мы, например, вычитаем 2 и 3 из 5 и, чтобы закрепить в памяти окончательный результат, а именно то, что у нас не остается никакого остатка, применяем выражение в остатке - ничего. На том же основании мы можем также, вычитая большее число из меньшего, правильно обозначить остаток как *меньше, чем ничто*. Такого рода остатки ум измышляет ради научных задач, и он стремится удерживать их в памяти, чтобы в случае надобности иметь возможность пользоваться ими. Так, как однако, всякое *имя* имеет отношение к *объекту наименования*, то независимо от того, существует ли он в природе как вещь или нет, мы все же можем в научных целях обозначить всякий такой объект как *вещь*, причем безразлично, существует ли эта вещь в действительности или только в представлении.

7. Имена различаются между собой прежде всего тем, что некоторые из них *положительны, шля утвердительны*, другие же - *отрицательны*, последние обычно называются также *привативными* или *бесконечными*. *Положительными* являются те имена, которые мы применяем при сходстве, равенстве или тождестве рассматриваемых вещей; *отрицательными* - те, которые мы применяем при различии, несходстве и неравенстве этих же вещей. Примерами первых могут служить слова *человек* и *философ*, ибо слово *человек* означает любого из какой-либо толпы людей, а *философ* - любого из какой-либо совокупности *философов*, так как все они подобны друг другу. Точно так же и *Сократ* является положительным именем, так как всегда обозначает одно и то же лицо. Отрицательными являются те имена, которые получаются путем прибавления к положительным именам отрицательной частицы *не*, например: *не-человек*, *не-философ*. *Положительные* имена, однако, возникли ранее *отрицательных*, ибо без первых было бы невозможно образование последних. В самом деле, лишь после того, как стали применять слово *белый* для обозначения определенных вещей, а затем слово *черный, голубой, прозрачный* и т.д. для обозначения других вещей, не было возможности обозначить одним именем отличие всех этих цветов от белизны, число которых бесконечно, кроме простого отрицания *белого*, т.е. словом *не-белое* или равнозначным выражением, в котором повторяется слово *белое* (например, *непохожее на белое*). Посредством отрицательных имен мы указываем себе и другим, чего мы не думаем.

8. *Положительные и отрицательные* имена исключают друг друга; они не могут быть применены к одной и той же вещи. Однако какое-либо из двух исключających друг друга имен применимо к любой вещи, ибо все, что существует, есть человек или не человек, белое или небелое и т.д. Это положение настолько очевидно, что не требует дальнейшего доказательства или объяснения. Однако оно становится темным, когда говорят, что *одна и та же вещь не может одновременно быть и не быть*; оно становится абсурдным и смешным в

том случае, когда говорят, что *все существующее или существует, или не существует*. Достоверность этой аксиомы (состоящей в том, что к любой вещи одно из двух взаимно исключающих имен применимо, а другое нет) является принципом и основой всякого умозаключения и в силу этого всей философии. Поэтому вышеуказанное положение должно быть сформулировано настолько точно, чтобы оно само по себе было ясно и понятно всякому. Оно и является таковым, кроме как для тех, кто в результате чтения обширных и ученых метафизических исследований на эту тему дошел до того, что потерял способность понимать самые понятные вещи.

9. Некоторые из имен, несомненно, *общии* многим вещам, такие, как: *человек, дерево*; другие же - свойственны вещам единичным, а именно: *тот, кто написал Илиаду, Гомер, этот, тот*. Так как общее имя применяется ко множеству отдельно взятых вещей (но к каждому порознь, а не ко всем одновременно: человек есть имя не человеческого рода, а отдельных людей - Петра, Ивана и других), то оно называется всеобщим (*universale*). Следовательно, это всеобщее имя не обозначает ни существующей в природе вещи, ни всплывающей в уме идеи (*idea*) или образа (*phantasma*), но всегда есть обозначение какого-то слова, или имени. Поэтому если мы говорим, что живое существо, камень, привидение или что-нибудь другое суть универсалии, то это следует понимать не так, что будто человек или камень были, есть или могут быть универсалиями, а лишь так, что соответствующие слова (живое существо, камень и т.д.) - универсалии, т.е. имена, общие многим вещам; представления же (*conceptus*) соответствующие этим вещам в нашем уме, только образы и призраки (*imagines et phantasmata*) отдельных живых существ и других вещей. Чтобы понять значение всеобщих имен, или универсалий, не требуется поэтому никакой другой способности, кроме воображения, при помощи которого мы вспоминаем, что такие имена возбуждают в уме представления то тех, то других вещей. Из общих имен одни в большей, другие - в меньшей степени общи вещам. Большей степенью общности обладает имя, применимое к большему числу, а меньшее - имя, применимое к меньшему числу вещей. Так, слово *живое существо* обладает большей общностью, чем человек, лошадь или лев, ибо оно включает в себя все эти слова. При сопоставлении более общего и менее общего имен первое называют *родовым* (*genus*), или *общим* (*generale*), именем, а второе - *видовым* (*species*), или *особенным* (*speciale*).

10. Отсюда возникает третье подразделение имен, а именно деление на имена первичного и вторичного порядка. К первым относятся имена вещей (*человек, камень*), к последним - имена имен и предложений (*всеобщий, частный, род, вид, умозаключение* и т.п.).

11. В-четвертых, некоторые имена имеют определенное, или ограниченное, а другие - неопределенное (*indeterminata*), или неограниченное (*indefinita*), значение. Определенное и ограниченное значение имеет, во-первых, имя, которое относится лишь к одной вещи и называется *индивидуальным*, например: *Гомер, это дерево, то живое существо* и т.д. Во-вторых, такое значение имеет всякое имя, к которому прибавлено одно из слов: *каждое, любое, то и другое, одно из двух* и т.п. Такого рода имя считается также *всеобщим*, ибо оно обозначает ка-

жду из вещей, общим именем которых является. Определенное значение такое имя имеет потому, что при его произнесении слушателю представляется именно та вещь, на которую говорящий хочет обратить его внимание. *Неопределенное* (*indefinita*) значение имеет прежде всего имя, к которому прибавлены слова: *какое-то, некоторое* и т.д. Такие имена называются *частными* (*particulare*). Неопределенное значение имеют, кроме того, обычные имена, поскольку не указано, являются ли они всеобщими (универсальными) или частными, например: *человек, камень*. Такие имена называются *неопределенными*. Частные и неопределенные имена имеют неопределенное значение, ибо слушатель не знает, какую вещь имеет в виду говорящий. Вот почему частные и неопределенные имена считаются в предложении эквивалентными.

Но слова: *всякое, любое, некоторое* и т.д., указывающие на всеобщее или частное значение других слов, являются не именами, а только частями имен. Выражения *всякий человек* и *тот человек, о котором думает слушатель*, означают одно и то же. Точно так же означают одно и то же выражения *любой человек* и *человек, о котором думает говорящий*. Отсюда вытекает, что употребление такого рода знаков служит не удовлетворению собственной потребности, т.е. приобретению знаний путем собственного размышления (ибо каждый может достаточно ясно определить свои мысли и без помощи таких знаков), а лишь общению с другими, помогая сообщить им и прояснить для них наши идеи. Эти знаки изобретены не для того, чтобы они помогали нам вспомнить что-нибудь, а для того, чтобы сделать возможной беседу с другими.

12. Имена подразделяются еще на *однозначные* и *многозначные*. Однозначными являются те имена, которые в одном и том же контексте всегда обозначают одну и ту же вещь, многозначными - те, которыми обозначают то одно, то другое. Так, имя *треугольник* считается однозначным, ибо всегда употребляется в одном и том же смысле, имя же *парабола* - многозначным, так как оно обозначает то аллегория или сравнение, то определенную геометрическую фигуру. Каждая метафора умышленно многозначна. Однако это различие касается не имен, а тех, кто их применяет, так как одни люди правильным и точным образом пользуются именами для исследования истины, другие, напротив, меняют их смысл ради красоты слога или обмана.

13. В-пятых, некоторые из имен *абсолютны*, а другие - *относительны*. Относительными являются те имена, которые применяются при сопоставлении, как-то *отец, сын, причина, следствие, сходно, не сходно, равно, неравно, господин, слуга* и т.д.; абсолютными - те, которые не подразумевают никакого сопоставления. Однако то, что было отмечено нами выше, когда мы указывали, что всеобщность есть особенность слов и имен, а не вещей, относится также и ко всем другим различиям имен, ибо вещи не бывают ни *однозначными*, ни *многозначными*, ни *абсолютными*, ни *относительными*. Дальнейшим подразделением имен является разделение их на *конкретные* и *абстрактные*, но так как абстрактные имена возникли из суждения и им предшествует определенное утверждение, то о них придется говорить позже.

14. В-шестых, имена бывают *простые* и *сложные*. При этом, однако, важно подчеркнуть, что, в отличие от грамматики, где каждое отдельное слово счита-

ется именем, в философии надо считать одним именем также и сочетание любого числа слов, если это сочетание обозначает одну вещь. В философском словоупотреблении выражение *чувствующее живое тело* является одним именем, обозначающим одну вещь, т.е. всякое живое существо, между тем как грамматики разлагают его на три имени. Точно так же и прибавление предлога не делает в философии в отличие от грамматики из простого имени сложное. Я называю простым такое имя, которое внутри каждого рода является наиболее общим и имеет наибольший объем, сложное же - такое имя, которое благодаря сочетанию с другим именем ограничено в своей всеобщности и тем самым указывает на наличие в уме говорящего нескольких представлений, в силу чего последний и прибавляет к первому имени второе. Например, рассмотренное нами в первой главе понятие *человек* содержит в себе в качестве первичного представления идею чего-то протяженного, обозначаемого именем *тело*. Тело является поэтому простым именем, употребляемым для обозначения этого первичного понятия, и только для него. Позже из восприятия движений этого тела возникает другое понятие, на основании которого оно называется *одушевленным телом*. Такое выражение, как, впрочем, и слово "*живое существо*", эквивалентное выражению *одушевленное тело*, я называю сложным именем. Еще более сложным является выражение *одушевленное разумное тело* или эквивалентное ему слово *человек*. Таким образом, мы видим, что сочетанию представлений в уме соответствует сочетание имен. Ведь как идеи или образы следуют в уме друг за другом, так и различные имена последовательно прибавляются друг к другу, а их совокупность образует сложное имя.

Однако мы должны остерегаться думать, будто существующие вне сознания тела образуются подобным же образом, а именно будто в природе существует тело или какая-либо иная мыслимая вещь, которая первоначально не обладает никакой величиной и только после прибавления величины обретает количество, а в зависимости от него -плотность или разреженность, и будто это тело получает затем форму посредством прибавления фигуры, а благодаря освещению становится светлым или приобретает известный цвет. Хотя имеются некоторые, философствующие подобным образом.

15. Логики сделали попытку распределить по определенным шкалам, или ступеням, имена всех вещей путем подчинения имен с меньшим объемом именам с большим объемом. Так, в классе тел они на первое и высшее место ставят просто *тело*, а под ним - имена с меньшим объемом, посредством которых первое имя становится более определенным и ограниченным, например: *одушевленное, неодушевленное* и т.д., пока наконец не доходят до *индивидуумов*. Точно так же в классе величин они ставят на первое место просто *величину*, а за ней - *линию, поверхность, плотность* - имена с меньшим объемом. Эти группировки и ряды имен они обычно называют *категориями*, или *предикаментами*. По таким рядам могут быть распределены не только *положительные*, но и *отрицательные* имена.

... Я бы хотел, чтобы указанные схемы рассматривались как истинный и действительный порядок имен. Такой порядок могла бы дать только совершенная философия. И если, например, я отношу свет к категории качества, а кто-

нибудь другой - к категории тела, то этим ни я, ни он не убедим друг друга, ибо правильность последнего определяют аргументы и логические рассуждения, а не классификация слов.

[С. 83-92]

Дж. Локк

ОБ УПРАВЛЕНИИ РАЗУМОМ²⁴

Имена - это лишь произвольные знаки понятий, и, коль скоро они достаточно соответствуют им в употреблении, я не знаю никакого другого отличия, которое каждое из них имело бы в отдельности, кроме того, что они могут иметь или легкое, или трудное произношение, а также более или менее приятное звучание: и довольно трудно предугадать, какие особые антипатии они могут вызывать у отдельных людей. В одном я уверен: ни один термин сам по себе не может ни в какой мере противоречить истине любого города. Только суждения действительно противоречат или могут противоречить истине какого-либо положения или доктрины. Таким образом, никакой термин не имеет привилегии быть противопоставленным истине.

Нет такого слова, которое нельзя было бы включить в суждение, опровергающее самые священные и самые очевидные истины. Однако в этом повинен не сам термин, а тот, кто его использует.

[С.340]

Г. Фреге **СМЫСЛ И ДЕНОТАТ²⁵**

(...) Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака [Bedeutung], но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака [Sinn]; смысл знака - это то, что отражает способ представления, обозначаемого данным знаком. Денотат выражений "Утренняя звезда" и "Вечерняя звезда" одинаков, но смысл разный.

Под знаком (или именем) я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственного; денотатом знака является определенная вещь (в самом широком смысле слова), но не понятие или отношение.

(...) В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный денотат, а всякому смыслу, в свою очередь, всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка. Разумеется, в действительности указанное соответствие часто нару-

²⁴ См.: Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1985. С. 202-440.

²⁵ См.: Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 181-210.

шается, естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию: редко бывает так, чтобы слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах. Далее, хотя можно предполагать, что любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, вовсе не всякому смыслу соответствует некоторый денотат.

(...) В идеальном языке [Begnffschnft] любое грамматически правильное выражение, построенное из ранее определенных знаков, которое вводится в качестве собственного имени, должно обязательно обозначать нечто, и всякий новый знак может вводиться в качестве собственного имени лишь при условии, что ему уже обеспечен некоторый денотат. Известно, что в логике недопустима неоднозначность выражений, ибо она является источником логических ошибок. Я полагаю, что не менее опасны ничего не обозначающие псевдоимена. История математики знает много заблуждений, возникших из-за псевдоимен. Псевдоимена, по-видимому, даже в большей степени, чем неоднозначные выражения, способствуют демагогическому злоупотреблению языком. Таково, к примеру, выражение *воля народа*, которое очевидным образом не имеет (во всяком случае общепринятого) денотата. Поэтому мне представляется исключительно важным закрыть этот источник заблуждений по крайней мере в науке - раз и навсегда. Тогда трудностей упомянутого типа можно будет не опасаться, поскольку наличие или отсутствие денотата у собственного имени никогда не будет зависеть от истинности соответствующего суждения.

[С. 181-210]

Е.К. Войшвилло ПОНЯТИЕ КАК ФОРМА МЫШЛЕНИЯ²⁶

Среди выражений, встречающихся в составе предложений, выделяются *дескриптивные* и *логические термины*

К дескриптивным терминам относятся (...) *называющие выражения* (термы) - *единичные* имена ("Луна", "Москва", "столица России") и *общие* имена ("растение", "металл", "город", "четное число").

(.) Предметными значениями единичных имен являются отдельные вещи, лица, процессы и даже множества их, когда они мыслятся как нечто целое. Предмет, обозначаемый единичным именем, называется денотатом, номинатом, десигнатом, референтом этого имени

Говоря обобщенно, предметное значение единичного имени - это отдельный предмет в широком смысле слова. Это то, о чем можно что-то утверждать или отрицать. Таким образом, предмет понимается как предмет мысли, объект познания.

Общее имя является знаком какого-то (неопределенно какого именно) произвольного предмета из некоторого класса предметов, обладающих определенными общими для них признаками. В силу именно неопределенности предмета (элемента класса), на который указывает общее имя, оно позволяет утверждать

²⁶ См.: Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М., 2005.

(или отрицать) что-то обо всех или некоторых предметах класса. Например, что "всякая жидкость упруга" или "некоторые жидкости являются химически сложными веществами". Утверждения такого рода в определенном смысле есть утверждения и о самом классе. Поэтому этот именно класс естественно считать предметным значением общего имени. При этом общее имя не именуется упомянутый класс, а лишь представляет его как знак. "Человек" представляет класс людей, именем же этого класса является класс людей. Класс предметов, который представляет общее имя, будем называть его экстенционалом, а иногда также объемом общего имени. Таким образом, класс людей является экстенционалом общего имени "человек" и денотатом единичного имени - "класс людей".

(...) Единичные и общие имена в составе предложений играют роль *логических подлежащих*, т.е. частей предложений, которые указывают на то, к чему относится содержащееся в них утверждение или отрицание.

[С. 14-30]

2.2. Смысл имени есть некоторое понятие или представление. Понятие, выделяя предметы по их общим и специфическим признакам, "схватывает" сущность предметов, их внутреннее содержание. Этим оно отличается от представления, отражающего внешние стороны предметов.

Давая обобщенную характеристику предметам, понятие отвлекается от их несущественных признаков. Путь отвлечения приводит часто к формированию понятий, которые трудно связать с каким-либо наглядным образом. Способами образования понятий являются анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, сравнение, идеализация. Предельно обобщенные и, соответственно, наиболее бедные по содержанию понятия называются философскими (логическими) категориями.

Возможности формальной логики в изучении понятий ограничены - в силу того, что она не является теорией постижения сущности, хотя ряд вопросов, связанных прежде всего с объемными отношениями, в ней решается достаточно продуктивно. Обходя стороной вопрос о существенном в содержании понятия, формальная логика не делает различия между понятием и представлением и фактически сводит теорию понятия к теории имени.

Существенное как содержание понятия является предметом диалектической логики, которая прогрессировала вместе с развитием философии и науки. Диалектическая логика устанавливает, что всякое понятие выражается именем (простым или сложным), хотя не всякое имя выражает понятие.

Пожалуй, ни один значительный мыслитель не обошел вниманием понятие, его природу, функции в познании. Однако вряд ли правомерно утверждать, что теория понятия к настоящему времени имеет стройный и завершённый вид. Различия в понимании сущности понятия отчетливо видны при сравнении, например, точек зрения Е.К. Войшвилло, В.В. Давыдова, А.А. Ветрова.

Большая часть человеческих мыслей касается предметов, которые никоим образом не могут быть выражены телесными моделями или изображены графически; поэтому египетские иероглифы и мексиканские изображения почти целиком состоят из метафор и способны оказать помощь скорее памяти, чем разуму. Так, Бог, мысль и все, что относится к разуму и воле, эффекты, добродетели и пороки, прочие духовные качества, но особенно энергия, действие и само движение, не доступны никакому образному представлению, хотя результат их осуществляется в образно представимых вещах. Эти общие понятия сущего, субстанции, единого, подобного, возможного, необходимого, причины, порядка, длительности могут быть умственно постигнуты, но не могут быть зрительно восприняты, точно так же как и понятия истинного и ложного, добра и зла, удовольствия и боли, справедливого и несправедливого, полезного и вредного. Однако именно из них состоят почти все наши рассуждения, и не только теологи и философы, но и политики и врачи после каждого третьего слова вынуждены употреблять нечто метафизическое и выходящее за пределы физических ощущений.

[С. 455]

И. Кант

ЛОГИКА. Пособие к лекциям²⁸

О ПОНЯТИЯХ

§ 1. Понятие вообще и его отличие от созерцания

Все познания, т.е. все представления, сознательно относимые к объекту, суть или *созерцания*, или *понятия*. Созерцание есть *единичное* представление (*repraesentatio singularis*); понятие есть *общее* (*repraesentatio per notas communes*) или *рефлексивное* представление (*repraesentatio discursiva*).

Познание посредством понятий есть *мышление* (*cognitio discursiva*).

Примечание 1. Понятие противоположно созерцанию, так как оно есть общее представление или представление того, что обще многим объектам, следовательно, - представление, поскольку оно *может содержаться в различном* (*in verschidenen*).

2. Является лишь тавтологией говорить о всеобщих и общих понятиях - недостаток, основывающийся на неправильном делении понятий на *общие, частные* и *единичные*. Так делить можно не сами понятия, а лишь их *применение*.

§ 2. Материя и форма понятий

В каждом понятии следует различать *материю* и *форму*. Материя понятий есть *предмет*; форма их - всеобщность.

²⁷ См.: Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 466-460.

²⁸ См.: Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 319-444.

§ 3. Эмпирическое и чистое понятие

Понятие бывает или *эмпирическим*, или *чистым* понятием (vel empiricus vel intellectualis). Чистое понятие то, которое не извлечено из опыта, но и по *содержанию* происходит из рассудка.

Идея есть понятие разума, предмет которого вовсе не может встречаться в опыте.

Примечание 1. Эмпирическое понятие возникает из чувства путем сравнения предметов опыта и от рассудка получает лишь *форму всеобщности*. Реальность этих понятий основывается на действительном опыте, из которого они почерпнуты по своему содержанию. Существуют ли чистые *рассудочные понятия* (conceptus puri), которые как таковые возникают исключительно из рассудка и независимо от всякого опыта, — должна исследовать метафизика.

2. Понятия разума, или идея, никак не могут относиться к действительным предметам, потому что все эти предметы должны содержаться в возможном опыте. Но все-таки идеи служат для руководства рассудка разумом в отношении опыта и наиболее совершенного применения правил рассудка или также и для указания, что не все возможные вещи суть предметы опыта и что принципы возможности опыта не имеют значения для вещей самих по себе, а также и для объектов опыта, как вещей самих по себе.

Идея содержит *прообраз* применения рассудка, например идея *мирового целого*, которая должна быть необходимой *не в качестве конститутивного принципа* для эмпирического применения рассудка, а в смысле лишь *регулятивного принципа* для потребности полной связи нашего эмпирического применения рассудка. Следовательно, идею нужно рассматривать как необходимое основное понятие для того, чтобы рассудочные действия подчинения можно было рассматривать или как *объективно завершенные*, или как *безграничные*. Кроме того, эта идея не может возникнуть путем составления, ибо целое здесь раньше части. Впрочем, есть идеи, приближение к которым имеет место. Это бывает с идеями *математическими*, или идеями *математического построения целого*, существенно отличными от *динамических*, которые совершенно другого рода, чем все конкретные понятия, так как [динамическое] целое отличается от конкретных понятий не по величине (как в математических идеях), а *по роду*.

Нельзя придавать теоретической идее объективную реальность или доказывать ее, за исключением идеи свободы, именно потому, что последняя есть условие морального закона, реальность которого есть аксиома. Доказывать реальность идеи бога можно лишь из этой [реальности нравственного закона] и, следовательно, лишь с *практической целью*, т.е. *действовать так, как будто бог есть*, следовательно, только ради этой цели.

Во всех науках, особенно же в рациональных, идея науки есть общий план или очерк, следовательно, - объем всех относящихся к науке знаний. Такая идея целого — первое, что нужно видеть и искать в науке, - является *архитектонической*, как, например, идея науки о праве.

Идея человечества, идея совершенной республики, блаженной жизни и тому

подобных вещей у большинства людей отсутствует. Многие люди не имеют идеи о том, чего они желают, действуя поэтому инстинктивно или подчиняясь авторитету.

§ 4. Данные (a priori или a posteriori) и созданные понятия

Все понятия *по материи* являются или *данными* (conceptus dati), или *созданными* (conceptus factitii) понятиями. Первые даны или a priori, или a posteriori.

Все эмпирически, или a posteriori, данные понятия называются *опытными понятиями*; данные a priori - *чистыми понятиями* (Nationen).

Примечание. Форма понятия как дискурсивного представления всегда является созданной.

§ 5. Логическое происхождение понятий

Происхождение понятий *по одной форме* основывается на рефлексии и на отвлечении от различных вещей, обозначенных некоторым представлением. И следовательно, тут возникает вопрос: *какие действия рассудка образуют понятие, или — что то же — относятся к построению понятия из данных представлений?*

Примечание 1. Так как общая логика отвлекается от всякого содержания познания посредством понятий или - от всякой материи мышления, то она может оценивать понятие лишь в отношении его формы, т.е. лишь *субъективно*, — не как оно определяет объект посредством признака, а лишь то, как оно может относиться ко многим объектам. Таким образом, общая логика исследует не *источник* понятий, не то, как понятия *возникают в качестве представлений*, но единственно то, *как данные представления становятся в мышлении понятиями*; эти понятия, впрочем, могут содержать нечто взятое из опыта, или нечто вымышленное, или же почерпнутое из природы рассудка. Это *логическое* происхождение понятий - происхождение их только по форме - состоит в рефлексии, благодаря которой возникает представление, общее нескольким объектам (conceptus communis), как та форма, которая требуется для способности суждения. Следовательно, в логике рассматривается *лишь различие рефлексии* в отношении понятий.

2. Происхождение понятий в отношении их материи, по которому понятие является или *эмпирическим*, или *произвольным*, или *интеллектуальным*, рассматривается в метафизике.

§ 6. Логические действия сравнения, рефлексии и абстракции

Логические действия рассудка, благодаря которым понятия создаются по своей форме, суть:

1) *компарация*, т.е. сравнение представлений друг с другом в отношении к единству сознания;

2) *рефлексия*, т.е. рассмотрение того, как различные представления могут охватываться в одном сознании; и, наконец,

3) *абстракция*, или выделение всего того, в чем различаются данные пред-

ставления.

Примечание 1. Следовательно, чтобы из представлений образовать понятия, нужно иметь возможность *сравнивать, рефлексировать* и *абстрагировать*, так как эти три логические операции рассудка являются существенными и общими условиями образования всякого понятия вообще. Например, я вижу сосну, иву и липу; прежде всего я сравниваю эти предметы друг с другом и замечаю, что они отличаются друг от друга стволами, ветвями, листьями и многим другим; потом я обращаю внимание лишь на то, что они между собой имеют общего: ствол, ветви и листья, абстрагируясь от их величины, фигуры и тому подобного, и в результате получаю понятие дерева.

2. Выражение *абстракция* в логике употребляют не всегда правильно. Мы не должны говорить: абстрагировать *нечто* (abstrahere aliquid), но: абстрагировать *от чего-либо* (abstrahere aliquo). Если, например, в красном платке я мыслю лишь красный цвет, то я отвлекаюсь от платка; если же я отвлекаюсь и от этого и мыслю красноту лишь как материальное вещество вообще, то я отвлекаюсь и еще от многих определений и мое понятие становится в силу этого еще абстрактнее. Ибо чем больше различий вещей исключено из понятия или чем от больших определений в нем отвлеклись, тем понятие абстрактнее. Поэтому абстрактные понятия, собственно, следует называть абстрагирующими (conceptus abstrahentes), т.е. такими, в которых имеет место много отвлечений. Так, например, понятие тела, собственно, не есть абстрактное понятие, ибо я не могу отвлечься от самого тела, иначе я уже не имел бы и понятия о нем. Но тем не менее я должен отвлечься от величины, цвета, твердости или текучести, словом - от всех специальных определений отдельных тел. *Абстрактнейшее* понятие есть то, которое ни с одним отличным от него понятием не имеет ничего общего. Таковым является понятие "*нечто*", так как отличное от него есть "*ничто*", не имеющее, следовательно, ничего общего с "*нечто*".

3. Абстракция есть лишь *отрицательное* условие образования общезначимых представлений; *положительным* условием является сравнение и рефлексия. Ибо понятие *осуществляется* не благодаря абстракции; абстракция лишь завершает его и заключает в определенные границы.

§ 7. Содержание и объем понятий

Всякое понятие, как *частичное понятие*, содержится в представлении вещей; в качестве *основы познания*, т.е. признака, эти вещи содержатся *под ним*. В первом смысле всякое понятие имеет *содержание*; во втором - *объем*.

Содержание и объем понятия стоят друг к другу в обратном отношении. Именно - чем больше понятие содержит под собой, тем меньше оно содержит в себе и наоборот.

Примечание. Всеобщность, или общезначимость, понятия основывается не на том, что понятие есть *частичное понятие*, а на том, что оно есть *основа познания*.

§ 8. Величина объема понятия

Объем, или сфера, понятия тем больше, чем больше вещей может под ним находиться и в нем мыслиться.

Примечание. Как говорят об *основании* вообще, что оно содержит под собой следствие, так и о понятии можно сказать, что как *основа познания* оно содержит под собой все те вещи, от которых оно отвлечено, например понятие металла - золото, серебро, медь и т. д. Ибо поскольку всякое понятие, как общезначимое представление, содержит то, что обще многим представлениям о различных вещах, то все эти вещи, поскольку они под ним содержатся, могут быть представлены посредством него. Именно это и создает *применимость* понятия. И чем больше вещей может быть представлено посредством понятия, тем больше и сфера его. Так, например, понятие *тела* имеет больший объем, чем понятие *металла*.

§ 9. Высшие и низшие понятия

Понятия называются *высшими* (conceptus superiores), поскольку они содержат под собой другие понятия, которые в отношении к первым называются *низшими* понятиями. Признак признака - *отдельный* признак - есть более высокое понятие; понятие в отношении к отдаленному признаку - является низшим.

Примечание. Так как понятия называются высшими и низшими лишь *соотносительно* (respectively), то, следовательно, одно и то же понятие может быть в различных отношениях вместе и высшим, и низшим. Так, например, понятие *человека* в отношении к понятию *негра* является высшим, в отношении же к понятию *животного* является низшим.

§ 10. Род и вид

Высшее понятие по отношению к своему низшему называется *родом* (genus); низшее понятие по отношению к своему высшему - *видом* (species).

Как понятия высшие и низшие, так, следовательно, и понятия *родовые* и *видовые* различаются, таким образом, не по своей природе, но лишь в смысле их отношения друг к другу (termini a quo или ad quod) в логической субординации.

§ 11. Самый высший род и самый низший вид

Самый высший род есть тот, который уже не есть вид (genus summus non est species), так же как и *самый низший* вид есть тот, который уже не есть род (species, quae non est genus, est infima).

Однако в силу закона непрерывности не может быть *ни самого низшего, ни самого ближайшего* вида.

Примечание. Если мы мыслим ряд нескольких одно другому подчиненных понятий, например "железо", "тело", "металл", "субстанция", "вещь", то в этом случае мы можем получить и высшие роды - ибо всякий вид можно рассматривать и как *род* в отношении к его низшему понятию, например понятие *ученый* в отношении к понятию *философ*, - пока мы, наконец, не приходим к роду, ко-

торый уже не может снова оказаться видом. И в конечном счете мы должны этого достигнуть, ибо в результате должно быть наивысшее понятие (*conceptum summum*), от которого как такового уже ничего нельзя абстрагировать, не уничтожая и самого понятия. Но самое низшее же понятие (*conceptum m̄mum*), или самый низший вид, под которым не может уже содержаться никакой другой, не существует в ряду видов и родов, так как оно не допускает определения. Ведь если мы и имеем понятие, которое мы *непосредственно* относим к индивидуумам, то все-таки в нем еще могут быть специфические отличия, или незамечаемые, или упускаемые нами из виду. *Лишь сравнительно, для обихода, существуют самые низшие понятия, которые обладают таким значением, так сказать, по соглашению, когда условливаются не идти здесь глубже.*

Таким образом, относительно определения видовых и родовых понятий имеет значение следующий общий закон: *существует род, который уже не может быть видом, но нет вида, который не мог бы. опять-таки стать родом*

§ 12. Более широкое и более узкое понятие. Взаимно заменимые понятия

Высшее понятие называется также *более широким*, низшее понятие - *более узким*

Понятия, имеющие одну и ту же сферу, называются взаимно заменимыми понятиями (*conceptus reciproci*)

§ 13. Отношение низшего понятия к высшему; более широкое к более узкому

Низшее понятие не содержится в высшем, так как содержит в себе *больше*, чем высшее, тем не менее оно содержится *под* ним, ибо высшее содержит основание познания низшего

Далее, понятие является *более широким*, чем другое, не потому, что оно содержит в себе *больше* - ибо этого нельзя знать, - а поскольку оно содержит под собой *другое понятие и, кроме него, еще несколько.*

§ 14. Общие правила относительно субординации понятий

Относительно логического объема понятий имеют значение следующие общие правила:

1) что принадлежит или противоречит высшим понятиям, то принадлежит или противоречит и всем низшим понятиям, содержащимся под этим высшим;
и

2) наоборот: что принадлежит или противоречит *всем* низшим понятиям, то принадлежит или противоречит и их высшему понятию.

Примечание. Так как то, в чем вещи согласуются, проистекает из их *общих* свойств и то, чем они друг от друга отличаются, - из их *особых* свойств, то нельзя заключать: что принадлежит или противоречит *одному* низшему понятию, то принадлежит или противоречит *другим* низшим понятиям, которые вместе с первым относятся к одному высшему понятию. Например, нельзя заключать так: что не относится к людям, то не относится и к ангелам.

§ 15. Условия возникновения высших и низших понятий; логическая абстракция и логическое ограничение

Благодаря продолжаемой логической абстракции, возникают все более высшие понятия, и, напротив, благодаря продолжаемому логическому ограничению возникают все более низшие понятия. Величайшая из возможных абстракция дает самое высшее и абстрактнейшее понятие - такое, от которого уже нельзя более мысленно отвлечь определения. Самое завершенное определение дало бы *окончательно определенное* понятие (*conceptum unimodo determinatum*), т.е. такое, к которому уже нельзя было бы примыслить дальнейшего определения.

Примечание. Так как окончательно определены только единичные вещи и индивидуумы, то окончательно определенные познания могут существовать лишь как *созерцания*, а не как *понятия*. В отношении последних логическое определение никогда нельзя рассматривать как завершенное (§11, примечание).

§ 16. Употребление понятий in abstracto и in concreto

Всякое понятие может применяться в общем и частном значении (*in abstracto* и *in concreto*). *In abstracto* применяется низшее понятие в отношении своего высшего, *in concreto* — высшее понятие в отношении своего низшего.

Примечание 1. Следовательно, выражения *абстрактное* и *конкретное* относятся не столько к понятиям самим по себе - ибо всякое понятие есть абстрактное понятие, — но скорее лишь к их *применению*. А это применение опять-таки может иметь различные степени -соответственно тому, как понятие трактуется - более абстрактно, менее абстрактно или конкретно, т.е. сообразно тому, больше или меньше отбрасывается от него или соединяется с ним определений. При абстрактном применении понятие приближается к высшему роду; при конкретном, напротив, к индивидууму.

2. Какое употребление понятий, абстрактное или конкретное, имеет преимущество перед другим? Относительно этого ничего нельзя решить. Ценность одного не меньше другого. Посредством более абстрактных понятий мы познаем *немногое* во *многих* вещах; посредством более конкретных понятий мы познаем *многое* в *немногих* вещах, следовательно, что получаем на одной стороне, то снова теряем на другой. Понятие, имеющее большую сферу, тем более употребимо, чем к большему количеству вещей оно приложимо; но зато тем меньше в

нем содержится. Например, в понятии *субстанции* я мыслю не столь многое, как в понятии *мела*.

3. Достичь в одном и том же познании соответствия между представлением *in abstracto* и представлением *in concreto* - следовательно, между понятиями и их изображением, благодаря чему достигается *maximum* познания как по объему, так и по содержанию, - в этом состоит *искусство популярности*.

[С. 395-404]

Г.В. Ф. Гегель ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФСКИХ НАУК²⁹

Понятие следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает в самой себе всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником. Можно также называть понятие абстрактным, если под конкретным понимать лишь чувственно конкретное и вообще непосредственно воспринимаемое; понятие как таковое нельзя ощупать руками, и мы должны вообще оставить в стороне слух и зрение, когда дело идет о понятии. И, однако, понятие (...) есть в то же время всецело конкретное постольку, поскольку оно содержит в самом себе в идеальном единстве бытие и сущность, и следовательно, все богатство этих двух сфер.

[С. 342]

А. Шопенгауэр АФОРИЗМЫ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ³⁰

Путеводной звездой своих стремлений надо избирать не *образы фантазии*, а отчетливо сознанные *понятия*. В большинстве случаев, однако, происходит обратное. Именно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что для наших решений окончательное значение имеют, в последнем итоге, большею частью не понятия и суждения, а воображение, которое рисует и отстаивает перед нами одну из альтернатив. Не помню уже, в каком романе Вольтера или Дидро герою, когда он был юношей и, подобно Геркулесу, стоял на распутье, добродетель всегда представлялась в образе его старого гувернера, морализующего с табакеркой в левой и с щепоткой табаку в правой руке, порок же - в виде камеристки его матери. Особенно в юности цель нашего счастья фиксируется для нас в форме тех или иных образов, которые носятся перед нами и часто держатся в течение половины, жизни, а то и целую жизнь. Это - особенно дразнящие призраки: стоит нам только добраться до них, как они исчезают бесследно и мы узнаем, что не получим от них решительно ничего из ими обещанного. Таковы отдельные сцены семейной, гражданской, общественной, деревенской жизни, мечты о жилище, обстановке, знаках отличия, выражениях почета и т.д. и т.п. - "у всякого безумца своя фантазия": сюда же часто принадлежит и образ милой. Такое положение дел вполне естественно: наглядное представление, имея непо-

²⁹ См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.

³⁰ См.: Шопенгауэр А. Избр. произв. М., 1992. С. 189-370.

средственный характер, оказывает, конечно, и более непосредственное действие на нашу волю, нежели понятие, абстрактная мысль, дающая только общие черты, без частных, из которых между тем как раз и складывается реальный мир, - она может поэтому влиять на нашу волю лишь косвенным путем. А между тем лишь понятие не изменяет своему слову, так что развитой человек верит только ему. Правда, конечно, оно нуждается иной раз в пояснении и парафразе с помощью тех или иных картин, - однако лишь с оговорками.

[С. 312-313]

К. Маркс **НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ**³¹

... Надо ли удивляться тому, что в последней степени абстракции ... всякая вещь представляется в виде логической категории? Надо ли удивляться тому, что, устраняя мало-помалу все, составляющее индивидуальную особенность данного дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая составляет его отличительную черту, мы получаем, в конце концов, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от границ этого тела, мы имеем в результате лишь пространство; что отвлекаясь от измерений этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества? Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или неодушевленные, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории.

[С. 130]

К. Маркс

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ А. ВАГНЕРА "УЧЕБНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ"³²

(...) Люди никоим образом не начинают с того, что "стоят в ... теоретическом отношении к предметам внешнего мира". Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т.д., т.е. не "стоять" в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов "удовлетворять потребности" людей запечатлеваются в их мозгу, люди и звери научаются и "теоретически" отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные на-

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 65-185.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 369-399.

звания целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира (...) Словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт.

[С. 377]

Ф. Энгельс **АНТИ-ДЮРИНГ**³³

... К диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накапливающимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления. Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, в которых обобщаются данные его опыта, суть понятия и что искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического исследования природы.

[С. 14]

В.И. Ленин **ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ**³⁴

... Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc) - таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще.

[С. 298]

В.В. Давыдов **ВИДЫ ОБОБЩЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ**³⁵

Понятие есть форма не всякого, а лишь вполне определенного знания, - оно отображает такое единичное и особенное, которое одновременно является и всеобщим. Поскольку понятие отражает сущность предмета, источник его формообразования, а внутри этого расчлененного предмета не всякий момент может быть таким источником, то отнюдь не всегда требуется собственно понятийная форма выражения объекта. Поэтому нельзя всякий термин называть "понятием о том-то", хотя он и имеет четкое значение. Повседневная жизненная практика зачастую не требует от человека употребления именно понятий, удовлетворяясь общими представлениями (например, стол, трава и т.п.).

[С. 321]

---

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5-342.

³⁴ См.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 29.

³⁵ См.: Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

Е. К. Войшвилло **ПОНЯТИЕ КАК ФОРМА МЫШЛЕНИЯ**³⁶

Мы называем понятием то, что обычно называют смыслом слова, имея в виду прежде всего смыслы общих имен, поскольку на их базе формируются смыслы единичных имен. При этом (...) мы исходим из того, что имеем здесь дело с особой формой отражения действительности. Специфика этой формы состоит в том, что она, прежде всего, представляет собой результат мысленного и, значит, словесного выделения предметов некоторого класса, т.е. предметов, качественно сходных в каком-то отношении. Выделение осуществляется по определенной совокупности признаков, отличительной для данных предметов, т.е. такой, что все признаки данной совокупности вместе достаточны, чтобы отличить эти предметы от всех остальных. Если понятие образовано корректным образом, то указанная совокупность признаков является также избыточной. Это означает, что каждый признак из этой совокупности необходим для выделения данного класса. Совокупность без этого признака уже не будет отличительной.

(...) Можно сказать, что понятие как форма (вид) мысли, или как мысленное образование, есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса - и в совокупности отличительных для них - признаков.

Характеристика понятия как формы мышления, как способа мыслительной деятельности явствует из данного определения. Это - способ мысленного выделения классов предметов посредством обобщения этих предметов. Этот процесс включает, как правило, более или менее широкое множество приемов познания. Наибольшую ценность в познании представляют собой понятия, в которых предметы обобщаются по существенным признакам. Однако с гносеологической точки зрения мысль представляет собой понятие независимо от того, насколько существенными являются признаки, составляющие основу обобщения предметов, тем более что для предметов одного и того же класса возможны и менее и более существенные признаки, существенные для характеристики самих этих предметов или с какой-то точки зрения в связи с тем или иным использованием предметов.

[С 90-91]

А.А. Ветров **ПРИРОДА ПОНЯТИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**³⁷

Мы можем охарактеризовать понятие как *знание, которое заключается в перечислении существенных признаков, имеет словесную форму и прямо или опосредствованно сводится к наглядным (чаще всего обобщенным) образам.*

Это определение требует некоторых дополнительных замечаний. Нетрудно видеть, что в него не включено указание на всеобщность понятия. И это не слу-

³⁶ См.: Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М., 1989.

³⁷ См.: Практика и познание. М., 1973. С. 296-357.

чайно Как показывает анализ построенной нами модели, всеобщность существует уже на ступени представлений - наглядного знания о предметах. Видимо, будет полезно еще раз кратко сформулировать наше понимание всеобщности на ступени представлений, осветив вопрос с несколько иной стороны.

Когда, например, содержание слова "треугольник" усваивается остенсивно, ученику показывают самые разнообразные треугольники (и остроугольные, и тупоугольные, и прямоугольные, и большие, и маленькие, и равносторонние и неравносторонние; и равнобедренные и неравнобедренные и т.д.), называя их словом "треугольник". На основании этого у ученика складывается знание о несущественности некоторых признаков для фигуры, обозначаемой словом "треугольник" (величины углов, длины сторон и т.п.). Приобретение такого знания позволяет выйти за рамки единичного (обобщающая абстракция). Но выход за рамки единичного не есть выход за рамки чувственного. Чувственное не отбрасывается, индивидуальность его преодолевается не путем перехода к некоей сущности, неиндивидуальной по форме своего существования (...), а путем прибавления к единичному знания о несущественности его признаков в известных пределах, знания, получаемого из опыта.

Единичное плюс знание о его несущественности и есть всеобщее. Всеобщность не существует ни во внешнем мире, ни в нашем сознании вне единичного, рядом с единичным. Всеобщность дана через единичное.

В свете сказанного "треугольник вообще" нельзя трактовать как некую нечувственную сущность. На ступени представления треугольник вообще есть наглядный (обобщенный) образ треугольника плюс знание о несущественности некоторых его признаков.

На ступени понятия треугольник вообще есть знание о признаках класса треугольников, знание, словесное по форме и разложимое в конечном счете на представления по содержанию.

Поскольку понятие сводимо (прямо или в конце концов) к представлениям, последние приносят в понятие форму всеобщности в указанном смысле. Понятие отличается от представления не всеобщностью, а расчлененностью признаков, данных слитно, нерасчлененно в наглядном образе.

Прежние сенсуалисты не видели специфики понятия. Более того, они не раскрывали полностью и природы представления, упуская из виду механизм, благодаря которому единичное (в том числе и обобщенное представление, являющееся всегда в какой-то мере единичным) функционирует как общее. С другой стороны, рационалисты переоценивали своеобразие понятия, или исключали чувственные элементы из состава уже сложившегося понятия, в лучшем случае признавая роль представлений лишь "на подступах" к понятию, в процессе его образования (например, Декарт, Спиноза, Гегель), или, отдавая себе отчет в связи понятий с наглядными образами, толковали всеобщность как данную форму (Кант).

На самом деле, понятия, образуемые на основе представлений, никогда не утрачивали связи с последними, поскольку содержание понятий раскрывается (непосредственно или в конечном счете) с помощью слов, имеющих чувственное содержание; всеобщность же, появляющаяся уже на ступени представле-

ний, характеризуется чисто опытным происхождением, она отражает необходимые связи действительности, познаваемые в практической деятельности людей.

[С. 312-313]

Г.Х. фон Вригт **ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ В XX ВЕКЕ**³⁸

... Кто-то может сказать, что "содержанием" формально-логического исследования являются *понятия*. Логика изучает их, но не в их внешнем отношении к миру, а в их внутренних отношениях когерентности или ее противоположности. Это то, что мы называем "концептуальным анализом". В простейших случаях он принимает форму аристотелевских определений через род и видовое отличие. В более сложных и интересных случаях он состоит в конструировании концептуальных сетей, или "полей", структурные свойства которых дают значение рассматриваемым сущностям. Примерами таких конструкций являются формализованные аксиоматические системы. Гильберт удачно назвал их "имплицитными дефинициями".

Изучение вывода и отношений значения между понятиями - вот два главных направления логики как дисциплины. Кто-то, возможно, пожелает более строго разделить эти два аспекта, чтобы отличить их соответственно в качестве "формальной логики" и "концептуального анализа". Оба подхода могут быть оправданы. Но остается фактом, что тесный альянс этих двух аспектов придал философии нашего века ее сильную "логическую окраску".

[С. 81-82]

А.А. Потебня **ЭСТЕТИКА И ПОЭТИКА**³⁹

... В поэзии связь образа и идеи не доказывается, а утверждается как непосредственное требование духа; в науке подчинение факта закону должно быть доказано, и сила доказательства есть мера истины. Доказательство есть всегда разложение первоначальных данных, а потому только что высказанную мысль можно выразить и иначе, именно: поэтический образ не разлагается во время своего эстетического действия, тогда как научный факт тем более для нас осмыслен, чем более раздроблен, то есть чем более развилось из него суждений. Отсюда - чем легче апперципируются (осваиваются в свете прошлого опыта) поэтические образы и чем больше происходящее отсюда наслаждение, тем совершеннее и законченнее кажутся нам эти образы, между тем как, напротив, чем лучше понимаем научный факт, тем более поражаемся неполнотою его разработки. Есть много созданных поэзией образов, в которых нельзя ничего ни прибавить, ни убавить, но нет и не может быть совершенных научных произведений. Такая противоположность поэзии и науки уясняется, если сведем ее на отношение простейших стихий той и другой - представления и понятия. В

³⁸ См.: *Вопр. Философии*. 1992. № 8. С. 80-91.

³⁹ См.: *Потебня А.А. Эстетика и поэтика*. М., 1976.

языке поэзия непосредственно примыкает к лишенным всякой обработки чувственным данным; представление, соответствующее идеалу в искусстве, назначенное объединять чувственный образ, во время апперцепции слова до тех пор не теряет своей особенности, пока из чувственного образа не создало понятия и не смешалось со множеством признаков этого последнего. Наука тоже относится к действительности, но уже после того, как эта последняя прошла через форму слова; наука невозможна без понятия, которое предполагает представление; она сравнивает действительность с понятием и старается уравнивать одно с другим, но так как количество признаков в каждом кругу восприятия неисчерпаемо, то и понятие не может стать замкнутым целым.

Наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий; но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано. Поэзия предупреждает это недостижимое аналитическое знание гармонии мира; указывая на эту гармонию конкретными своими образами, не требующими бесконечного множества восприятия, и заменяя единство понятия единством представления, она некоторым образом вознаграждает за несовершенство научной мысли и удовлетворяет врожденной человеку потребности видеть везде цельное и совершенное. Назначение поэзии - не только готовить науку, но и временно устраивать и завершать невысоко от земли выведенное ею здание. В этом заключается давно замеченное сходство поэзии и философии.

[С. 194-195]

2.3. Определение выражает основное содержание понятия и, одновременно, устанавливает предел, границу, отделяющую предметы, охватываемые данным понятием, от всех сходных с ним предметов. Указание на отличительные существенные признаки является главным требованием к определению.

Определения дисциплинируют мышление и речь, делают их более строгими и четкими, способствуют целенаправленности и безошибочности рассуждений. Вместе с тем, практическое использование определений выявило их ограниченность и относительность. Поэтому многие мыслители предупреждали об опасности абсолютизации значения определений. Предпринимаются попытки разработки теории гибких, не разделенных жесткими границами понятий (теория нечетких множеств Л. Заде), метафорических выражений.

Платон **ФЕДР**⁴⁰

... О чем бы, милый юноша, мы ни рассуждали, начинать надо с одного: необходимо знать, о чем рассуждаешь, иначе неизбежны сплошные ошибки. Большинству людей невдомек, что они не знают сущности предмета. Не договорившись о ней в начале рассуждения, будто она им известна заранее, в дальнейшем его ходе, когда это, естественно, сказывается, они противоречат и сами себе, и друг другу.

[С. 198]

Аристотель **ТОПИКА**⁴¹

Определение есть речь, обозначающая суть бытия [вещи]. Оно заменяет имя речью или речь речью, ибо можно дать определение тому, что выражено речью. Но кто каким-то образом объясняет нечто одним только именем, тот, ясно, во все не дает определения предмета, так как каждое определение есть какая-то речь (...). При определении больше всего занимает нас вопрос, есть ли нечто одно и то же или разное.

[С. 352-353]

Аристотель **ВТОРАЯ АНАЛИТИКА**⁴²

Если дающий определение указывает или что именно есть [данная вещь], или что обозначает имя, то если определение совершенно не касается сути [вещи], то она будет [лишь] речью, обозначающей то же самое, что и имя; но это нелепо, ибо, во-первых, в таком случае были бы определения и несущностей и несуществующего, ведь обозначать можно и несуществующее. Во-вторых, все речи были бы в таком случае определениями, ведь имя можно дать любой речи, так что все высказывалось бы как определения и "Илиада" была бы определением.

[С. 324]

Дж. Бруно **СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТЕЗИСОВ**⁴³

Предосудительно — давать определения неизученным вещам; низко - думать чужим умом; продажно раболепно и недостойно человеческой свободы - покоряться; глупо - верить по обычаю; бессмысленно - соглашаться с мнением толпы, как будто количество мудрых должно превосходить, или равняться, или хотя бы приближаться к бесконечному числу глупцов и как будто (даже если бы весь мир был слеп под влиянием Аристотеля или другого такого же рода вож-

⁴⁰ Платон, Избр. диалоги. М., 1965, С. 185-255.

⁴¹ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 347-532.

⁴² См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 255-346.

⁴³ См.: Горфункель А.Х Джордано Бруно. М., 1973. С. 163-166.

дя) плутающая во тьме и навязчивая толпа стоит и видит больше или столько же, сколько тот один, кого она избрала себе в вожди.

[С. 164]

Т. Гоббс

ОСНОВ ФИЛОСОФИИ ЧАСТЬ 1.

О ТЕЛЕ⁴⁴

12. Поскольку, однако, учить означает не что иное, как вести ум обучаемого по пути, пройденному самим обучаемым в процессе исследования к познанию найденного им, то и метод доказательства не будет отличаться от метода исследования, за исключением того, что первая часть этого метода, а именно логическая операция, при помощи которой мы от чувственных восприятия вещей переходим к общим принципам, должна быть отброшена. Так как последние являются принципами, то их нельзя доказать, и так как они в силу их природы всем знакомы, (...) то они нуждаются, конечно в объяснении, но не в доказательстве. Таким образом, в процессе доказательства мы применяем целиком синтетический метод, а именно исходим из первых, или наиболее общих, предложений, которые сами собой разумеются, а затем, последовательно образуя из суждений силлогизмы, продолжаем операции до тех пор, пока наконец обучающийся не убедится в истинности искомого заключения.

13. Указанные первые принципы представляют собой лишь определения. Эти определения бывают двоякого вида. Одни из них являются определениями имен, обозначающих вещи, причину которых мы можем понять; другие же - определениями имен, относящихся к вещам, причины которых не могут быть найдены нами. Именами первого рода обозначают тело, или материю, количество, или протяжение, движение само по себе - одним словом, то, что присуще всякой материи; именами второго рода - тело определенной природы, движение определенной природы и величины, определенную величину, определенную форму и все то, благодаря чему мы можем отличить одно тело от другого.

Мы считаем определения имен первого рода удовлетворительными, если посредством как можно более краткого описания вещей, к которым относятся эти имена, возбуждаем в уме слушателя ясные и отчетливые идеи, или представления тех вещей, для которых они служат именами. Например, мы даем такое определение: движение есть непрерывное оставление одного места и достижение другого. Хотя в этом определении не указаны ни движущийся предмет, ни причина его движения, оно все же возбуждает в уме достаточно ясную идею движения. Определения же вещей, имеющих, как следует предполагать, причину, должны содержать имена, указывающие их причину или способ их возникновения. Так, определение круга должно гласить: круг есть фигура, получающаяся в результате вращения прямой линии вокруг одного из ее концов на плоскости.

---

⁴⁴ См.: Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 66-218.

Никакое предложение, за исключением определений, не следует считать первоначальным или, если мы хотим рассуждать более строго, причислять к принципам. Ибо такие аксиомы, как евклидовские, все же могут быть доказаны и не являются принципами доказательства, хотя они в силу всеобщего соглашения приобрели авторитет принципов на том основании, что непосредственно не требуют обоснования. Точно так же и предложения, называемые постулатами, являются, правда, действительными принципами, однако принципами не доказательства, а конструкции, т.е. не знания, а умения; иначе говоря, это принципы не теорем, имеющих спекулятивный характер, а проблем, которые относятся к практике и находят свое решение в действии. Еще в меньшей мере можно причислять к принципам такие широко распространенные догматические утверждения, как *природа боится пустоты, природа ничего не делает напрасно* и т.п., утверждения, которые, не обладая непосредственной очевидностью, не могут быть и доказаны, да, сверх того, чаще бывают ложны, чем истинны.

Но вернемся к определениям. Утверждая, что все, имеющее причину и произведенное чем-либо, должно быть определено посредством соответствующей причины и способа возникновения, я исхожу из следующего основания: конечной целью всякого знания является познание причин и способа возникновения вещей. Если указания на причины и способ возникновения вещи не содержится в определении, то это указание не может иметь места и в заключении того силлогизма, который первым выводится из этих определений. И если мы их не находим в первом заключении, то мы их не найдем и ни в каком дальнейшем. А значит, так мы никогда не сможем прийти к истинному познанию, что не соответствует задаче и цели доказательства.

14. Определения, которые мы только что назвали принципами, или первыми предложениями [суждениями], являются высказываниями. И так как мы применяем их, с тем, чтобы возбудить в уме обучающегося идею какой-нибудь вещи каким-нибудь именем, то определение может быть лишь ни чем иным, как объяснением этого имени. Если же имя обозначает какое-нибудь сложное понятие, то определение сводится к разложению этого имени на наиболее общие части. Например, если мы определяем человека такими словами: *человек есть тело одушевленное, чувствующее, одаренное разумом*, то имена: *тело, одушевленное* и т.д. - являются составными всего имени *человек*. Этим и объясняется то, что такие имена всегда состоят из рода и отличительного признака, так что все входящие в их состав имена, за исключением последнего, имеют родовое значение, а последнее содержит отличительный признак. Если же, однако, какое-нибудь имя является наиболее общим в своем роде, то его определение не может состоять из рода и видового отличия, а должно содержать такое описание, которое лучше всего выясняет значение этого имени. С другой стороны, может случиться, и часто случается, что соединение рода и видового отличия все же не образует определения. Например, выражение *прямая линия* содержит в себе название рода и видового отличия, но все же не является определением, если только мы не думаем, что определение прямой линии гласит: *прямая линия есть прямая линия*. Но если бы мы прибавили к приведенным словам какое-нибудь другое отличное от них имя, состоящее из одного слова и обозначаю-

щее то же самое, то они были бы определением этого имени. Из сказанного ясно, как следует определить само определение. Определение есть *предложение [суждение], предикат которого расчленяет субъект, когда это возможно, и разъясняет его, когда это невозможно*

15. Определение обладает следующими свойствами:

а) Оно устраняет двусмысленность и тем самым все это множество различий, которыми пользуются те, кто думает, что можно научиться философии в диспутах. Ибо существо определения в ограничении, т.е. в детерминировании значения определяемого имени и отделении его от всех значений, кроме того, которое содержится в самом определении. Поэтому, сколько бы различий ни проводилось в отношении подлежащего определению имени, определение замещает их все.

б) Оно дает общее понятие определяемой вещи, являясь общей картиной для ума, а не для глаза. Тот, кто рисует человека, создает его образ; подобно этому тот, кто определяет имя *человек*, вызывает в уме образ какого-нибудь человека.

в) Незачем спорить о том, допустимы или недопустимы определения. Ибо если учитель хочет обучить своего ученика и последний, признавая наличие всех отдельных частей подлежащей объяснению вещи, как они расчленены в определении, все же не признает определения, то тут излишня всякая дискуссия, так как это равно нежеланию принять науку вообще. Если же ученик при этих условиях не понимает определения, то последнее неправильно, ибо сущность определения состоит в том, чтобы ясно представить идею данной вещи. Основные принципы или ясны сами собой, или же не являются принципами.

г) В философии определения предшествуют определяемым именам. При обучении философии начинают именно с определений - и весь дальнейший процесс приобретения знания сложных вещей осуществляется посредством синтеза, путем сложения понятий. Следовательно, определение есть выяснение значения сложного имени посредством разложения его на составные элементы и восхождения от них к целому. Мы должны предварительно понять определения, чтобы понять сложные имена; дело обстоит даже так, что если объяснены имена составных частей какого-то предложения, то нет необходимости в существовании сложного имени. Если, например, достаточно ясны имена: *равносторонний, четырехугольный, прямоугольный*, то геометрия может обойтись без имени квадрата. Имена, уже получившие определения, применяются в философии только ради краткости.

д) Составные имена, получившие в одной части философии одно определение, могут получить в другой ее части другое определение. Так, в геометрии мы даем гиперболе и параболе другое определение, чем в риторике. Ведь все определения имеют смысл только для определенной отрасли знания и служат только ей. Если, следовательно, посредством определения в одной части философии вводится какое-нибудь имя, выражающее в подходящей форме и с величайшей экономией геометрические положения, то его можно с таким же правом использовать в других частях философии. Ведь применение имени индивидуально и даже произвольно, хотя оно пользуется всеобщим признанием.

е) Никакое определение имени не может состоять из одного слова. В самом

деле, одно слово никогда не является достаточным средством для разложения (анализа) одного или нескольких имен.

Имя, которому дают определение, не должно повторяться в самом определении. Ибо то, чему должно быть дано определение, есть сложное целое; определение же есть разложение сложного на части, а целое не может быть частью самого себя.

[С. 129-133]

Г.В. Лейбниц

НОВЫЕ ОПЫТЫ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕНИИ АВТОРА СИСТЕМЫ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ ГАРМОНИИ⁴⁵

... Для того, чтобы лучше отличать сущность от определения, следует принять во внимание, что у вещи только одна сущность, но зато несколько определений ее, выражающих ту же самую сущность, подобно тому, как то же самое строение или тот же самый город могут быть представлены различными изображениями в зависимости от того, с какой стороны их рассматривают.

И. Кант

ЛОГИКА Пособие к лекциям⁴⁶

СПОСОБЫ ЛОГИЧЕСКОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗНАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ЭКСПОЗИЦИИ И ОПИСАНИЯ ПОНЯТИЙ

§ 99. Определение

Определение есть достаточно отчетливое и уточненное понятие (*conceptus rei adaequatus in minimis terminis; complete determinatus*).

Примечание. Определение можно рассматривать как единственно логически совершенное понятие, ибо в нем соединяются оба наиболее существенные совершенства понятия: отчетливость и полнота и точность в отчетливости (количество отчетливости).

§ 100. Аналитическое и синтетическое определение

Все определения являются или аналитическими, или синтетическими. Первые суть определения *данного*, последние суть определения *созданного* понятия.

§ 101. Данные и созданные понятия a priori и a posteriori

Данные понятия аналитического определения даны или a priori, или a posteriori, как и созданные понятия синтетического определения созданы или a priori, или a posteriori.

⁴⁵ См.: Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 47-545.

⁴⁶ См.: Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 395-444.

§ 102. Синтетические определения посредством экспозиции или конструкции

Синтез созданных понятий, из которого возникают синтетические определения, бывает или синтезом посредством *экспозиции* (явлений) или синтезом посредством *конструкции*. Последний есть синтез произвольно созданных понятий, первый есть синтез понятий, созданных эмпирически, т.е. из данных явлений, как их материи (*conceptus factitii a priori vel per synthesin empiricam*). Произвольно созданные понятия суть понятия *математические*

Примечание. Все определения математических, а также - поскольку для эмпирических понятий вообще возможны определения - опытных понятий должны быть, следовательно, созданы синтетически. Ибо в понятиях последнего вида, например в эмпирических понятиях: вода,

огонь, воздух и т.п., - я должен не расчленять то; *что содержится в них*, а узнавать посредством опыта, *что относится к ним*. Следовательно, все эмпирические понятия должны рассматриваться как созданные понятия, синтез которых является, однако, не произвольным, а эмпирическим.

§ 103. Невозможность эмпирически синтетических определений

Так как синтез эмпирических понятий является не произвольным, а эмпирическим и как таковой никогда не может быть полным (ибо в опыте всегда можно открыть еще много признаков понятия), то эмпирические понятия не могут быть определены.

Примечание. Следовательно, определять синтетически можно лишь произвольные понятия. Такие определения *произвольных* понятий, которые не только всегда возможны, но и необходимы, и должны предшествовать всему тому, что говорится посредством произвольного понятия, могут быть названы также *декларациями*, поскольку посредством их декларируют свои мысли или дают отчет в том, что разумеют под словом. Это имеет место у *математиков*.

§ 104. Аналитические определения посредством расчленения a priori или a posteriori данных понятий

Все *данные* понятия, которые могут быть даны a priori или a posteriori; могут быть определены лишь посредством *анализа*. Ибо данные понятия лишь тогда становятся отчетливыми, когда их признаки делают последовательно ясными. Если все признаки данного понятия ясны, то понятие *совершенно* отчетливо; а если оно содержит не слишком большое число признаков, то оно вместе с тем и точно, и отсюда возникает определение понятия.

Примечание. Так как никаким испытанием нельзя достичь уверенности, все ли признаки данного понятия исчерпаны полным анализом, то все аналитические определения нужно считать сомнительными.

§ 105. Истолкования и описания

Итак, не все понятия могут быть определены, но не все они *нуждаются* в определении.

Существуют приближения к определению некоторых понятий; это отчасти *истолкования* (expositiones), отчасти *описания* (descriptiones).

Экспонирование понятия состоит во взаимосвязанном (последовательном) представлении его признаков, поскольку они найдены анализом.

Описание есть экспозиция понятия, поскольку последняя неточна.

Примечание. 1. Мы можем экспонировать или *понятие*, или *опыт*. Первое осуществляется посредством анализа, второе - посредством синтеза.

2. Следовательно, экспозиция имеет место лишь для *данных* понятий, которые благодаря ей становятся отчетливыми; этим она отличается от *декларации*, которая есть отчетливое представление *созданных* понятий.

Так как осуществить анализ полностью не всегда возможно, и так как расчленение вообще, прежде чем стать совершенным, должно сначала быть несовершенным, то и несовершенная экспозиция является, в качестве части определения, истинным и пригодным для применения изображением понятия. Определение всегда остается здесь лишь идеей логического совершенства, которого мы должны стараться достигнуть.

3. Описание может иметь место лишь для эмпирически данных понятий. Оно не имеет определенных правил и содержит лишь материалы для определения.

§ 106. Номинальные и реальные определения

Под простыми пояснениями имени, или номинальными определениями, разумеются те, которые содержат значение, произвольно придаваемое известному имени и которые поэтому обозначают лишь логическую сущность своего предмета или служат лишь для отличия его от других объектов. Напротив, *пояснение вещей, или реальные определения*, суть те, которые достаточны для знания объекта в его внутренних определениях, так как показывают возможность предмета из [его] внутренних признаков.

Примечание 1. Если понятие является внутренне достаточным для того, чтобы отличить вещь, то оно достаточно и внешне; если же оно внутренне недостаточно, то быть внешне достаточным оно может лишь в *известном отношении*, именно - в сравнении определяемого [definitum] с другими. Но *неограниченная* внешняя достаточность без внутренней невозможна.

2. Предметы опыта допускают лишь номинальные пояснения. Логические номинальные определения данных понятий рассудка берутся из атрибута вещи, реальные определения, напротив, - из сущности вещи, из первой основы [ее] возможности. Последние содержат, следовательно, то, что всегда присуще вещи, - ее реальную сущность. Лишь *отрицательные* определения тоже не могут быть названы реальными определениями, ибо хотя отрицательные признаки так же хорошо могут служить для различения одной вещи от других, как и утвердительные, но не для познания мира в его внутренней возможности.

В предметах морали всегда нужно искать реальных определений; туда долж-

но быть направлено все наше стремление. В математике имеются реальные определения, ибо определение произвольного понятия всегда *реально*.

§ 107. Главные требования определения

Существенные и общие требования, относящиеся вообще к совершенству определения, могут быть рассмотрены в четырех главных моментах: количества, качества, отношения и модальности:

1) *по количеству* — что касается сферы определения — определение и определяемое должны быть *взаимозаменяемыми* понятиями (*conceptus reciproci*), и, следовательно, определение не должно быть ни *шире*, ни *уже*, чем его определяемое;

2) *по качеству* определение должно быть *обстоятельным* и вместе с тем *точным* понятием;

3) *по отношению* оно не должно быть *тавтологичным*, т.е. признаки определяемого, как *основы знания о нем*, должны отличаться от него самого; и, наконец,

4) *по модальности* признаки должны быть *необходимыми*, следовательно, не такими, которые получаются посредством опыта.

Примечание. Условие, что родовое понятие и понятие видового отличия (*genus* и *differentia: a specifica*) должны составлять определение, имеют силу лишь для номинальных определений при *сравнении*, но не для реальных определений при *выведении*

§ 108. Правила для проверки определений

При проверке определений нужно выполнить четыре действия, именно нужно при этом исследовать: является ли определение

1) рассматриваемое как положение, *истинным*;

2) является ли оно в качестве понятия *отчетливым*';

3) является ли оно, как отчетливое понятие, также и *обстоятельным* и, наконец,

4) является ли оно, как обстоятельное понятие, вместе с тем и *определенным*, т.е. адекватно ли самой вещи.

§ 109. Правила для составления определений

Те же самые действия, которые относятся к проверке определений, нужно выполнять и при их составлении. Следовательно, для этой цели нужно искать: 1) истинные положения; 2) такие, предикат которых не предполагает уже понятия вещи; 3) собрать несколько из них вместе и сравнить их с понятием самой вещи, не являются ли они адекватными ей, и, наконец, 4) посмотреть, не содержится ли один признак в другом или не подчинен ли ему.

Примечание 1. Эти правила имеют силу - как это разумеется и без напоминания - лишь для аналитических определений. Так как здесь никогда нельзя быть уверенным, является ли анализ полным, то и определение нужно выставить лишь как попытку и пользоваться им лишь так, как будто оно не есть оп-

ределение. С этим ограничением его можно, однако, применять в качестве отчетливого и истинного понятия и из его признаков выводить следствия (Korollarien). Именно я мог бы сказать: чему принадлежит понятие определяемого, к тому относится и определение, но, конечно, не наоборот, так как определение не исчерпывает всего определяемого.

2. Пользоваться понятием определяемого при пояснении или при определении полагать в основу определяемое значит пояснять при помощи круга (circulus in definiendo).

[С. 436-441]

Г.В.Ф. Гегель **ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФСКИХ НАУК**⁴⁷

...Для философствования требуется прежде всего, чтобы каждая мысль мыслилась нами во всей ее строгости и чтобы мы не оставляли ее смутной и неопределенной.

[С. 205]

...Дефиниция содержит в себе все три момента понятия: всеобщее как ближайший род (genus proximum), особенное как определенность рода (qualitas specifica) и единичное как сам определяемый предмет. Относительно дефиниций прежде всего возникает вопрос, каково их происхождение, и на этот вопрос мы должны ответить вообще, что дефиниции возникают аналитическим путем. Но этот ответ тотчас же вызывает также спор о правильности даваемого определения, ибо оно зависит от характера тех восприятия, которые послужили его исходным пунктом, и от тех точек зрения, с которых его давали. Чем богаче подлежащий определению предмет, т.е. чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые дефиниции. Так, например, существует масса дефиниций жизни, государства и т.д. Геометрии, напротив, легко давать дефиниции, так как ее предмет, пространство, очень абстрактен.

[С. 412-13]

И. Кант **КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА**⁴⁸

... В философии дефиниция со всей ее определенностью и ясностью должна скорее завершать труд, чем начинать его.

[С. 173]

Г.В.Лейбниц **ПЕРЕПИСКА С С.ФУШЕ**⁴⁹

(...) Я называю *реальным определением* такое, которое подтверждает, что определяемое возможно, определение же, которое не подтверждает этого, я назы-

⁴⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.

⁴⁸ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.

⁴⁹ См.: Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 267-297.

ваю *номинальным*. Например, если бы определяли круг как фигуру, каждому сегменту которой везде соответствует один и тот же угол (т.е. фигуру, где в одном и том же сегменте углы, образованные двумя прямыми, которые проведены из двух концов сегмента к какой бы то ни было точке, всегда одинаковы), я сказал бы, что это одно из тех свойств, которые я именую парадоксальными и относительно которых можно с самого начала усомниться, существует ли подобная фигура в природе вещей. Но когда говорят, что круг - это фигура, образованная прямой, движущейся на плоскости, так что один конец прямой остается неподвижным, мы понимаем причину круга и его реальность.

[С. 277-278]

Раздел 3. ВЫСКАЗЫВАНИЕ

3.1. Наряду с именем высказывание - важнейшая категория логики. Разработка логической теории высказывания шла двумя путями.

Во-первых, высказывание рассматривалось как нерасчлененное целое, самостоятельно вступающее в логические отношения с другими такими же высказываниями. Традиция такого рассмотрения восходит к работам представителей стоико-мегарской логической школы. К сожалению, эти работы до нас не дошли, и об их содержании мы можем судить по комментариям авторов более позднего времени, в частности Диогена Лаэртского.

Во-вторых, высказывание анализировалось с точки зрения наличия в нем составных частей - субъекта и предиката, благодаря которым осуществлялись логические связи в различного рода рассуждениях. Особые заслуга здесь принадлежат "отцу логики" - Аристотелю.

Развитие названных линий в истории логики завершилось созданием двух важнейших разделов классической логики - логики высказываний и логики предикатов.

Прогресс в области компьютерной техники, поставивший вопрос об эффективном диалоге между человеком и машиной, делает актуальным изучение прагматических свойств высказывания, в частности его отношения к суждению.

Аристотель **ОБ ИСТОЛКОВАНИИ**⁵⁰

Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как оказывание, но не как утверждение или отрицание. я имею в виду, например, что "человек" что-то, правда, обозначает но не обозначает, если ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют.

Отдельный же слог [слова] "человек" не означает что-либо, точно так же как «ышь» в [слове] "мышь" ничего не означает, а есть один только звук В составных словах каждая часть хотя и обозначает что-то, но не сама по себе (...)

⁵⁰ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 91-116.

Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а (...) в силу соглашения.

Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна.

Итак, прочие [виды] речи оставлены здесь без внимания, ибо рассмотрение их более подобает искусству красноречия или стихотворному искусству; к настоящему исследованию относится высказывающая речь.

(...) Первая единая высказывающая речь — это утверждение, затем — отрицание. Все остальные едины в силу связанности. Каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или изменение глагола по времени, ведь и речь о человеке не есть высказывающая речь до тех пор, пока не присоединено "есть", или "был", или "будет", или нечто подобное. Поэтому "существо, живущее на суше, двуногое" есть речь единая, а не множественная, ведь речь единая не оттого, что слова произносятся непосредственно друг за другом. Но объяснять это — дело другого исследования. Высказывающая речь едина или когда она выражает одно, или в силу связанности. Множественны же высказывающие речи, когда выражают многое, а не одно, или когда они не связаны между собой. Итак, имя или глагол назовем лишь оказыванием, ибо так не говорит тот, кто намерен выразить что-то словами, чтобы высказаться, все равно, вопрошает ли он или нет, а сам сообщает что-то. К речам же относится, во-первых, простое высказывание, например когда что-то чему-то приписывается или что-то от чего-то отнимается, а во-вторых, составленное из простых, например сложная речь.

Итак, простое высказывание есть звукосочетание, обозначающее присутствие или неприсущность чего-то с различием во времени.

(...) Утверждение есть высказывание чего-то о чем-то. Отрицание есть высказывание, отнимающее что-то от чего-то. Так как присущее может быть высказано как неприсущее, а неприсущее — как присущее, также и присущее - как присущее, а неприсущее - как неприсущее и это может относиться таким же образом ко времени помимо настоящего, то можно отрицать все, что кто-то утверждает, и утверждать все, что кто-то отрицает. Отсюда ясно, что всякому утверждению противостоит отрицание и всякому отрицанию — утверждение.

Назовем противоположащие друг другу утверждение и отрицание противоречием. Под противоположением же я разумею [утверждение и отрицание] одного и того же относительно одного и того же, и не в разных значениях, и все другое, что мы еще уточняем против нудных софистических рассуждений.

(...) Так как одни предметы - общие, а другие — единичные (общим я называю то, что может по природе сказываться о многом, а единичным - то, что не может этого; например, "человек" есть общее, а Каллий - единичное), то необходимо высказывать, присуще или не присуще что-то чему-то как общему или как единичному. Поэтому если об общем высказываются как об общем, что ему нечто присуще или не присуще, то эти высказывания будут противоположными друг другу. Говоря «высказываться об общем как об общем», я разумею, например, "каждый человек бледен — ни один человек не бледен". Когда

же высказываются об общем, но не как об общем, такие высказывания не противоположны друг другу, хотя выраженное в них может иногда быть противоположным. Говоря "высказываться об общем не как об общем", я разумею, например, "человек бел - человек не бел"; в самом деле, хотя "человек" есть нечто общее, но в высказывании он не рассматривается как общее, ибо "каждый" означает не общее, а то, что о чем-то высказывают как об общем. Но неправильно об общем сказуемом сказывать как об общем, ибо ни одно утверждение не бывает истинным, в котором об общем сказуемом сказывают как об общем, например "каждый человек есть каждое живое существо".

Итак, я говорю, что утверждение противостоит отрицанию по противоречию, если оно обозначает нечто как общее, а другое - то же не как общее, например: "каждый человек бледен - не каждый человек бледен", "ни один человек не бледен - есть некий бледный человек". По противоположности противостоят друг другу утверждение общего и отрицание общего, например, "каждый человек справедлив - ни один человек не справедлив". Вот почему противоположные высказывания не могут быть вместе истинными. Противостоящие же [по противоречию] [высказывания] об одном и том же могут иногда быть истинными, например: "не каждый человек бледен" и "есть некий бледный человек". Итак, из противоречащих друг другу [высказываний] об общем, взятых как общее, одно необходимо истинно, а другое ложно. Это относится и к единичным [противоречащим друг другу] высказываниям, например, "Сократ бел" и "Сократ не бел". Если же высказывания об общем взяты не как общие, то не всегда одно истинно, а другое ложно, ибо в одно и то же время будет правильно говорить, что человек бледен и человек не бледен, что человек красив и человек не красив (ибо если он безобразен, он не красив, и если он становится красивым, он [еще] не красив). С первого взгляда это покажется нелепым, ибо представляется, что высказывание "человек не бледен" означает в то же время, что ни один человек не бледен; однако эти высказывания не означают одного и того же, и они не необходимо [истинны или ложны] в одно и то же время.

Очевидно также, что одному утверждению соответствует лишь одно отрицание, ибо отрицание должно отрицать именно то же, что утверждает утверждение, и именно относительно того же самого, все равно, единичное ли это или общее и взято ли оно как общее или не как общее. Я имею в виду, например, "Сократ бледен - Сократ не бледен". Если же отрицается относительно одного и того же нечто иное или одно и то же, но относительно чего-то иного, то отрицание не противостоит утверждению, оно будет отлично от него. Так вот, [высказыванию] "каждый человек бледен" противостоит [высказывание] "не каждый человек бледен"; [высказыванию] "некий человек бледен" - "ни один человек не бледен"; [высказыванию] "человек бледен" - "человек не бледен".

Итак, сказано, что одному утверждению противостоит по противоречию одно отрицание, и сказано, какие они, а также и то, что противоположные высказывания иные, и какие они, и что не всякое противоречие истинно или ложно, и почему это так, и когда оно истинно или ложно.

[С. 95-98].

Диоген Лаэртский
**О ЖИЗНИ, УЧЕНИЯХ И ИЗРЕЧЕНИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ
ФИЛОСОФОВ⁵¹**

... Высказыванием у них (у стоиков - *сост.*) называется то, что составлено в соответствии с умственными представлениями. Высказывания бывают законченные и недостаточные. Недостаточные высказывания - это те, которые произносятся в незавершенном виде, например:

"пишет". Спрашивается: кто пишет? Законченные высказывания — это те, которые произносятся в завершенном виде, например: "Сократ пишет". Таким образом, среди недостаточных высказываний числятся сказуемые, среди законченных - суждения, умозаключения, общие вопросы и частные вопросы.

... Суждение - это то, что бывает или истинно, или ложно, или же это законченный предмет, доступный отрицанию сам по себе. Так говорит Хрисипп в "Диалектических определениях"; Суждение есть то, что можно отрицать или утверждать само по себе: например, "Стоит день" или "Дион гуляет". Суждением оно называется от слова "судить". потому что в суждении мы высказываемся "за" или "против": так, кто говорит: "Стоит день", высказывается за то, что стоит день; и если действительно стоит день, то предлагаемое суждение истинно, если же нет, то ложно.

От суждения следует отличать общий вопрос, частный вопрос, повеление, клятву, пожелание, предположение, обращение и мнимое суждение. В самом деле, суждение - это такое словесное изъявление, которое является или истинным, или ложным. Вопрос же - это предмет законченный, как и суждение, однако же требующий ответа: например, "Стоит ли день?" — а такое изъявление не является ни истинным, ни ложным. Поэтому "Стоит день" - это суждение, а "Стоит ли день?" - это общий вопрос. Частный же вопрос - это предмет, на который невозможно ответить знаком (как отвечают "да" на общий вопрос), а надо отвечать словами: "Он живет там-то и там-то". Повеление - это изъявление, которым мы приказываем: например: "Ступай же прочь от струй Инаха!". Клятва — это ..." [Обращение] — это изъявление, с помощью которого мы обращаемся, например: Отавою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!

Мнимое суждение - это изъявление, звучащее как суждение, но в силу избытка какого-либо слова или страсти не являющееся суждением, например: "Прекрасен Парфенон!" или "Как тот пастух похож на Приамидов!" Кроме названного, от суждения следует отличать и сомнение, когда как будто говорит человек, находящийся в сомнении: "А жизнь и боль - ужель они не родственны?" Все это - и общие вопросы, и частные, и прочее - не бывает ни истинно, ни ложно, тогда как суждения бывают или истинны, или ложны.

Среди суждений иные являются простыми, иные — непростыми (так говорят последователи Хрисиппа, Архедема, Афинодора, Антипатра и Криния). Простые - это те, которые состоят из неразноречивого суждения, например: "Стоит день"; непростые — это те, которые состоят из одного или нескольких разноре-

---

⁵¹ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

чивых суждений; из одного, например: "Если стоит день, [то стоит день]"; из нескольких, например: "Если стоит день, то светло". Простые суждения бывают отрицательные, неопределенно-отрицательные, ограничительные, утвердительные, указательные, неопределенные. Непростые суждения бывают условные, утвердительно-условные, соединительные, разъединительные, причинные, сравнительные к большему и к меньшему.

(...) Отрицательное суждение - например, "Не день стоит". Разновидностью этого является дважды отрицательное суждение: это отрицание отрицания, например: "Не день не стоит", то есть "День стоит". Неопределенно-отрицательное суждение состоит из отрицательной частицы и сказуемого, например: "Никто не ходит". Ограничительное суждение состоит из ограничительной части и суждения, которое было бы возможно, например: "Не добрый он человек". Утвердительное суждение состоит из прямого падежа и сказуемого, например: "Дион гуляет". Указательное суждение состоит из указательного слова в прямом падеже и сказуемого, например: "Он гуляет". Неопределенное суждение состоит из неопределенных частиц и сказуемого, например: "Некто ходит", "Такой-то движется".

Среди непростых суждений условное суждение образуется союзом "если", который означает, что второе суждение следует из первого, например: "Если стоит день, то светло". (Так пишут Хрисипп в "Диалектике" и Диоген в "Учебнике диалектики"). Утвердительно-условное суждение состоит из двух суждений, связанных союзом "поскольку", например: "Поскольку стоит день, то светло"; этот союз означает, что второе суждение следует из первого, а первое достоверно. Соединительное суждение образуется каким-нибудь соединительным союзом, например: "И день стоит, и светло". Разъединительное суждение образуется разъединительным союзом "или", например: "Или день стоит, или ночь", - этот союз означает, что одно из этих суждений ложно. Причинное суждение соединяется союзом "так как", например: "Так как стоит день, то светло", - здесь первое служит как бы причиной для второго. Сравнительное суждение к большему образуется связкой, изъясняющей большее, и союзом "чем" между двумя суждениями, например: "День больше, чем ночь". Сравнительное суждение к меньшему образуется противоположным образом, например: "Ночь меньше, чем день".

Некоторые из суждений противоположны друг другу по истинности или ложности. Это бывает, когда одно отрицает другое, например: "Стоит день" и "Не стоит день". Условное суждение бывает истинно, если противоположность заключению противоречит началу; например, суждение "Если стоит день, то светло" истинно, потому что противоположность заключению "не светло" противоречит началу "стоит день". Утвердительно-условное суждение истинно, если исходит из истинного суждения и имеет вытекающее заключение, например: "Поскольку стоит день, то солнце стоит над землей"; ложно, если исходит из ложного суждения или имеет невытекающее заключение, например: "Поскольку стоит ночь, то Дион гуляет", когда на самом деле стоит день. Причинное суждение истинно, если исходит из истинного суждения, имеет вытекающее заключение, однако начальное суждение из заключения не вытекает; так, из суж-

дения "стоит день" вытекает суждение "светло", но из суждения "светло" не следует "стоит день"; а ложно причинное суждение, если оно или исходит из ложного суждения, или имеет невытекающее значение, или же начало и заключение вообще не согласованы, например: "Так как стоит ночь, то Дион гуляет".

Вероятное суждение - это такое, которое заставляет соглашаться, например: "Кто кого родила, та тому мать"; но данное суждение ложно, потому что курица яйцу не мать. Кроме того, суждения бывают возможные и невозможные, необходимые и не необходимые. Возможное суждение - это такое, истинность которого можно показать, если обстоятельства не препятствуют его истинности, например: "Дион жив"; невозможное - это такое, истинность которого нельзя показать, например: "Земля летает". Необходимое суждение - это такое суждение, которое истинно и ложность которого нельзя показать, а если можно, то ложность эта вызвана лишь внешними обстоятельствами, например: "Добродетель полезна"; не необходимое суждение - это такое, которое истинно, но может быть ложно даже независимо от внешних обстоятельств, например: "Дион гуляет". Разумное суждение - это такое, которое имеет больше оснований быть истинным, чем ложным, например: "Завтра я буду жив". Есть также и другие разновидности суждений, обращения суждений и переходы их от истинности к ложности.

Т. Гоббс **ОСНОВ ФИЛОСОФИИ**
ЧАСТЬ 1. О ТЕЛЕ⁵²

Раздел 1. ИСЧИСЛЕНИЕ, ИЛИ ЛОГИКА

ГЛАВА III. О ПРЕДЛОЖЕНИИ

(...) Сочетания и соединения имен образуют различные виды речи. Некоторые из них служат только для выражения желаний и душевных движений. Сюда относятся прежде всего *вопросы*, которые обнаруживают желание узнать что-нибудь. Так, в вопросе: *Кто добрый человек*] — одно имя произносится говорящим, другое же последний желает и ожидает услышать от того, кого он спрашивает. Кроме того, сюда относятся *просьбы*, обозначающие желание обладать чем-нибудь, *обещания*, *угрозы*, *желания*, *приказы*, *жалобы* и иные выражения каких-либо переживаний. То, что говорится, может быть также абсурдным и ничего не значащим, - так бывает в том случае, когда какому-нибудь ряду слов не соответствует в уме (*animus*) ряд представлений. Это часто случается с людьми, которые, совершенно не понимая какого-нибудь сложного вопроса, но стараясь придать себе вид знатоков, произносят бессвязные слова. Ибо и соединение бессвязных слов является речью, хотя оно и не выполняет назначения речи (служить выражением мысли). Такие-то соединения слов у метафизиков встречаются ничуть не реже осмысленных. Философия знает только один вид речи, называемый иногда *утверждением*, (*dictum*), а иногда - *высказыванием* (*enuntiatum*) и *сообщением*, (*pronuntiatum*), большей же частью обозначается словом "предложение" (*propositio*). В нем нечто утверждается или от-

---

⁵² См.: Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 66-218.

рицается, высказывается истина или ложь.

2. *Предложение есть словесное выражение (oratio), состоящее из двух соединенных связкой имен, посредством которого говорящий хочет выразить, что он относит второе имя к той самой вещи, которая обозначается первым, или (что то же самое) что первое имя содержится во втором.* Например, выражение *человек есть живое существо*, в котором два имени соединены связкой *есть*, образует предложение, ибо говорящий считает как слово *человек*, так и слово *живое существо* именами одной и той же вещи, или полагает, что первое имя *человек* содержится в последующем имени *живое существо*.

Первое имя обычно называют *субъектом, предшествующим* или *объемлемым* именем, последнее же имя - *предикатом, последующим* или *объемлющим* именем. Знаком связи служит у большинства народов или слово, как например, *есть* в предложении *человек есть живое существо*, или падеж, или окончание слова, как, например, в предложении *человек гуляет* (равносильном предложению *человек есть гуляющий*), где окончание слова *гуляет*, применяемого вместо *есть гуляющий*, указывает, что оба имени понимаются как связанные друг с другом, или как имена одной и той же вещи.

Существуют, однако, или по крайней мере могут существовать народы, которые не имеют слова, соответствующего нашему *есть*, но тем не менее образуют предложения путем простой расстановки имен (говоря, следовательно, вместо *человек есть живое существо* только *человек — живое существо*), ибо порядок расстановки имен может достаточно ясно обозначить их связь. Годность же таких предложений для науки не уменьшается из-за отсутствия этого словечка. И из-за того, что у них нет слова *есть*, они не становятся менее способными к философии.

3. В каждом *предложении*, таким образом, следует обращать внимание на три вещи: оба имени, образующие *субъект* и *предикат*, и их соединение при помощи *связки*. Имена пробуждают в нас мысль об одной и той же вещи, связка напоминает нам, на каком основании эти имена даны вещи. Говоря, например, *тело подвижно*, мы не удовлетворяемся знанием того, что одна и та же вещь обозначается обоими именами, но исследуем дальше, что значит *быть телом* или *быть подвижным*, т.е. в чем состоит различие между вещами того или другого рода и почему одни вещи названы так, а другие - иначе. Поэтому тот, кто желает знать, что значит *быть чем-нибудь*, *быть подвижным*, *быть горячим*, ищет в вещах причину их наименования.

Отсюда и проистекает упомянутое в предшествующей главе разделение имен на *конкретные* и *абстрактные*. Ибо *конкретным* является имя всякой вещи, которую мы предполагаем существующей. Такого рода вещь называется *субъектом, подлежащим* (по-латыни *suppositum, subjectum*). Таковы, например, имена: *тело, подвижное, движимое, оформленное, то, что имеет локоть в вышину, теплое, холодное, подобное, равное, Аппий, Лентул* и т.п. *Абстрактное* же имя указывает причину какого-нибудь конкретного имени, содержащуюся в каком-нибудь субъекте. Это означают, например, выражения: *быть телом, быть подвижным, быть движимым, оформленным, иметь величину, быть теплым, холодным, похожим, равным, быть Аппием* или *Лентулом* и т.п. Имена, экви-

валентные этим выражениям, называются *абстрактными*. Таковы, например, *телесность, подвижность, движение, фигура, количество, теплота, холод, сходство, равенство* и (как мы находим у Цицерона) *аппийность* и *лентульность*. Сюда же относятся и неопределенные наклонения, ибо *жить* и *двигаться* значит то же самое, что *жизнь* и *движение* или быть *живым* и *движимым*. Однако абстрактные имена обозначают только причину (causa) конкретных имен, а не сами вещи. Например, если мы видим или представляем себе какую-нибудь вещь, доступную зрению, то эта вещь или ее представление являются нам не сосредоточенными в одной точке, а так, что их части удалены друг от друга и целое, таким образом, представляет собой нечто протяженное и наполняющее пространство. Если же мы представленную вещь желаем назвать *телом*, то причиной этого наименования является факт, что *данная вещь протяженна*, или ее *протяженность*, либо *телесность*. Подобно тому, когда видим, что какая-то вещь появляется то тут, то там, мы называем это *движением* или *перемещением*, и причина такого наименования - *нахождение* вещи в *движении*, или ее *движение*.

Причины имен те же, что и причины наших представлений, а именно некая сила, или действие, или свойство воспринимаемой вещи; их называют *модусами* (modi) вещи, но чаще всего - ее *акциденциями* (accidentia). Я понимаю, однако, слово *акциденция* не в смысле чего-то противоположного тому, что *необходимо*. Я обозначаю этим словом нечто, не являющееся само по себе вещью, ни частью вещи и тем не менее столь постоянно сопутствующее вещи, что оно (если отвлечься от протяжения) может исчезнуть и погибнуть, но не может быть отделено от вещи.

4. Различие между *конкретными* и *абстрактными* именами заключается также в том, что первые возникли до образования предложений (ибо только они могут образовать предложение), последние же появились позже (ибо они возможны только после образования предложений, из связки которых они возникают). В жизни и в особенности в философии абстрактные имена употребляются то и дело, но и злоупотребляют ими нередко. Они необходимы нам, ибо без них мы не можем точно определить свойства вещей. Ведь если бы при свете нам пришлось пользоваться конкретными именами, а следовательно, удваивать, например, теплое, или светящееся, или движимое, желая удвоить теплоту, свет или движение, то мы удваивали бы этим не свойства, а сами теплые, светящиеся или движимые тела, чего вовсе не желаем. Злоупотребление же этими именами заключается в следующем. Так как теплота и другие акциденции могут быть рассматриваемы сами по себе (т.е., как было сказано выше, их нарастание может быть количественно измерено без мысли об их носителях - телах, что составляет процесс, который называют *абстракцией*), то полагают, будто об акциденции можно говорить как о чем-то вообще, поддающемся отделению от тела. Отсюда вытекают грубые заблуждения некоторых метафизиков. Так как мышление можно рассматривать независимо от тела, то заключают, будто для мышления не необходимо тело, и так как можно рассматривать величины независимо от тела, то полагают, будто возможна величина без тела и тело без величины, мало того, будто тело получает свою величину путем присоединения

таковой к нему. Из того же источника проистекают и такие бессмысленные понятия, как *абстрактные субстанции, обособленные сущности* и т.п. В такой же мере бессмысленны производные от латинского *esse* словообразования вроде *эссенция, эссенциальность, энтитичность, энтитативность*, равно как и такие слова, как *реальность, квиддитативность* и т.д. Таких словообразований никогда не могло бы возникнуть у народов, которые не применяют в предложении слово *есть*, а связывают имена при помощи глагольных форм типа *бежит, читает* (или при помощи простой расстановки слов). Но так как эти народы умеют и мыслить, то очевидно, что философия не нуждается в таких словах, как *эссенция* или *энтитичность*, и тому подобных варварских терминах.

5. Различия предложений разнообразны. В первую очередь они подразделяются на *всеобщие универсальные, частные, неопределенные* и *единичные*; и это разделение обычно обозначают как разделение *по количеству*. *Всеобщим* является то предложение, *субъект* которого обладает признаком общего имени (например, *всякий человек есть живое существо*); *частным* - то, *субъект* которого обладает признаком частного имени (*определенный человек учен*); *неопределенным* — то, *субъект* которого — общее имя без особого знака (*человек есть живое существо; человек учен*). *Единичным* является предложение, *субъект* которого - единичное имя (*Сократ - философ; этот человек черный*).

6. Во-вторых, предложения подразделяются на *утвердительные* и *отрицательные*, и это называется разделением *по качеству*. *Утвердительным* является предложение, предикат которого выражен *положительным* именем (*человек есть живое существо*), *отрицательным* — предложение, предикат которого выражен *именем отрицательным* (*человек не камень*).

7. В-третьих, предложения подразделяются на *истинные* и *ложные*. *Истинным* является предложение, *предикат* которого содержит в себе *субъект* или является именем той же вещи, что и *субъект*. Например, предложение *человек есть живое существо* истинно, ибо того, кого называют человеком, всегда называют и живым существом. Точно так же и предложение *некий человек болен* истинно, ибо слово "болен" применимо к кому-то. Предложение, которое не истинно, т.е. предложение, предикат которого не содержит субъекта, называется ложным. Например: *человек есть камень*.

Слова *истинно, истина, истинное предложение* означают одно и то же. Истина может быть лишь в том, что высказано, а не в самих вещах; и хотя иногда истинное противопоставляется *кажущемуся*, или *вымыслу*, но и это противопоставление относится к истине в предложении. Отражение человека в зеркале, или призрак, не принимают за самого человека, потому что предложение *призрак есть человек* не истинно; но нельзя и отрицать того, что призрак есть призрак. Поэтому истина — свойство не вещей, а суждений о них. Обычные же рассуждения метафизиков о том, что понятия *сущее, единое* и *истинное* идентичны, являются вздорным детским лепетом, ибо кто не знает, что такие выражения, как *человек, один человек* и *истинный человек*, означают одно и то же.

8. Отсюда ясно, что истину и ложь можно найти только у существ, обладающих способностью речи. Ведь хотя животные, не способные к речи, получают одно и то же впечатление при виде отражения человека в зеркале и при виде

самого человека и при первом зрелище их охватит неосновательный страх, однако они не воспринимают это как истинное или ложное, а только как сходное, и в этом они не ошибаются. Подобно тому, как все истинное познание людей обусловлено правильным пониманием словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних. Как полноте мудрости, так и глупость можно найти только у человека. И то, что когда-то было сказано о законах Солона, применимо к человеческому языку вообще; язык, что паутина: слабые и тщеславные умы цепляются за слова и запутываются в них, а сильные легко сквозь них прорываются

Отсюда можно также заключить, что первые истины были произвольно созданы теми, кто впервые дал имена вещам, или теми, кто получил эти имена от других. Ибо, например, предложение *человек есть живое существо* истинно только потому, что людям когда-то пришлось в голову дать оба этих имени одной и той же вещи.

9. В-четвертых, предложения подразделяются на *первоначальные* и *непервоначальные*. Первоначальными являются такие предложения, в которых предикат объясняет субъект через ряд имен. Таково, например, предложение *человек есть тело одушевленное, одаренное разумом*. То, что содержится в имени *человек*, получает более развернутое выражение при помощи имен: *тело, одушевленное, одаренное разумом*, а также их связи. *Первоначальным*, такое предложение называется потому, что оно образует начало всякого рассуждения, ибо без понимания имени вещи, о которой идет речь, ничего не может быть доказано. *Первоначальные* предложения всегда представляют собой не что иное, как дефиниции, таким образом, определения или части определений, и только они являются основами (принципами) доказательства. Как истины, произвольно установленные говорящими и слушающими, они сами не нуждаются ни в каких доказательствах. К этим предложениям некоторые присоединили другие, обозначаемые ими как *первоначальные* и как *принципы* (основы), а именно *аксиомы*, или *понятия, принятые повсюду* (*notiones communes*) Последние, однако, сколь бы очевидными и не нуждающимися в доказательстве они ни казались, не являются первоначальными принципами, ибо их можно доказать. Они тем менее могут считаться таковыми, что, желая навязать другим в качестве убедительных истин положения, которые им самим кажутся верными, люди под именем принципов возвещают множество неведомого, а подчас много ложного. К *принципам* обычно относят и некоторые постулаты, например предложение *между двумя точками может быть проведена только одна прямая линия* и другие постулаты геометрии. Последние действительно представляют собой принципы, но это принципы не науки и доказательства, а искусства, т.е. построения.

10. В-пятых, *предложения* делятся на истины *необходимые* (т.е. необходимо истинные) и *случайные*, т.е. такие, которые *не необходимы*, хотя и истинны. *Необходимой* истиной являются предложения, в качестве *субъекта* которых нельзя представить или вообразить другой вещи, кроме той, именем которой является *предикат* данного предложения. Так, предложение *человек есть живое существо* необходимо, ибо везде, где мы имеем вещь, к которой примени-

мо слово человек, к ней применимо и слово *живое существо* *Случайной* истинной является предложение, которое может быть то истинным, то ложным. Предложение *всякий ворон черен* может, пожалуй, ныне считаться истинным, в другое время - ложным. В необходимом предложении предикат или эквивалентен субъекту (как, например, в предложении *человек есть разумное живое существо*), либо составляет часть эквивалента, как *человек есть живое существо*. В этом примере имя *разумное живое существо*, или *человек*, составлено из двух [членов] *разумное* и *живое существо*. В случайной же истине дело обстоит иначе, ибо если бы даже было истинным утверждение, что *всякий человек лгун*, то все это предложение не могло бы называться необходимой истиной, так как слово *лгун* не является частью составного имени, эквивалентного имени *человек*. Предложение является здесь случайной истиной, даже если бы оно фактически всегда было верно. Необходимыми истинами являются только предложения, которые содержат вечные истины.

Здесь опять-таки обнаруживается, что истина не есть свойство вещей и что она присуща одному только языку, истины же вечны. Ибо не необходимо, чтобы вечно существовали *люди* или *живые существа*, но вечно истинным остается положение, что там, где существуют люди, они являются живыми существами.

11. В-шестых, предложения подразделяются на *категорические* и *гипотетические*. *Категорическим* является предложение, которое просто, или безусловно, что-либо высказывает. Например: *всякий человек есть живое существо, ни один человек не есть дерево*. *Гипотетическим* является предложение, высказывающее нечто условно. Например: *если кто-либо - человек, то он также живое существо, если кто-либо - человек, то он не камень*

И категорические, и соответствующие ему гипотетические предложения означают одно и то же, если утверждение включает в себе необходимую истину; но дело обстоит не так, когда оно включает в себе истину случайную. Если, например, истинно предложение *всякий человек есть живое существо*, то истинным является и предложение *если кто-либо - человек, то он должен быть и живым существом*. Но если какое-нибудь предложение, содержащее случайное утверждение (например, *всякий ворон черен*), и истинно, то предложение *если какое-нибудь существо есть ворон, то оно черно* будет все же ложным. *Гипотетическое* предложение будет истинным только тогда, когда правильно соответствующее следствие. Так, предложение *всякий человек есть живое существо* является вполне истинным, ибо если верно утверждение *нечто есть человек*, то не может не быть верным утверждение, что *то же нечто есть живое существо*. И потому если гипотетическое предложение истинно, то и соответствующее ему категорическое утверждение не только истинно, но и необходимо. Я считаю, что следует подчеркнуть это, ибо тут мы имеем доказательство того, что философы могут делать более надежные умозаключения при помощи гипотетических предложений, чем при помощи утверждений категорических.

Поскольку каждое предложение может быть выражено различно и на самом деле получает различное выражение, и поскольку мы вынуждены выражаться так, как делает большинство, то те, кто изучает философию, должны остере-

гаться, как бы их не ввело в заблуждение различие выражений их учителей (doctores). Поэтому, натываясь на неясное предложение, они должны свести его к простейшей категорической форме, чтобы связка *есть* была совершенно самостоятельна, и *субъект* ясно отличался от *предиката*, которые в свою очередь должны быть строго отделены от связки. Так, при сравнении предложений *человек может не грешить* и *человек не может грешить*, их смысл ясно обнаружится, если сформулировать их следующим образом: *человек есть могущий не грешить* и *человек есть не могущий грешить*, где предикаты явно различны. Но это упрощение надо произвести молча, для себя, или в присутствии одного лишь учителя, ибо было бы глупо и смешно выражаться так в обществе. Если, следовательно, я хочу говорить о равнозначных предложениях, то должен прежде всего считать равнозначными те предложения, которые могут быть сведены к *одному и тому же* категорическому утверждению.

Во-вторых, необходимые категорические предложения равнозначны гипотетическим. Например, категорическое предложение *прямолинейный треугольник имеет три угла, равные двум прямым*, равнозначно гипотетическому предложению *если какая-нибудь фигура представляет собой прямоугольный треугольник, то его три угла должны быть равны двум прямым*.

В-третьих, равнозначны друг другу два любых всеобщих (универсальных) предложения, соответствующие части которых, т.е. субъекты и предикаты, исключают друг друга и расположены в обратном порядке. Например, в предложениях *всякий человек есть живое существо* и *всякое не-живое существо есть не-человек* имя *живое существо* содержит в себе имя *человек*. Но оба они являются утвердительными именами, и поэтому (...) отрицательное или неживое существо содержит в себе отрицательное имя *не-человек*. Следовательно, предложение *всякое неживое существо есть не-человек* истинно. Точно так же равнозначны предложения *ни один человек не есть дерево* и *ни одно дерево не есть человек*, ибо, если правда, что *дерево* не есть имя человека, то оба имени - человек и дерево - не означают одной и той же вещи. Поэтому является истинным утверждение, что *ни одно дерево не есть человек*. Точно так же предложение *всякое неживое существо есть не-человек*, оба члена которого отрицательны, равнозначны другому предложению - *только живое существо есть человек*.

15. В-четвертых, *отрицательные предложения* равнозначны друг другу независимо от того, поставлена ли отрицательная частица после связки, как это бывает у некоторых народов, или перед связкой, как это имеет место в латинском и греческом языках, при том лишь условии, что члены предложения остаются теми же. Например, предложения *человек не есть дерево* и *человек есть не-дерево* означают одно и то же, хотя Аристотель это отрицает. Идентичны по смыслу также следующие предложения: *всякий человек не есть дерево* и *ни один человек не есть дерево*. Это настолько очевидно, что не нуждается ни в каком доказательстве.

16. Наконец, тождественный смысл имеют все частицы предложения с обратной расстановкой членов. Таковы, например, предложения *некий человек слеп* и *нечто слепое есть человек*, ибо в них оба имени относятся к одному и

тому же человеку и обозначают поэтому одну и ту же истину, в каком бы порядке они ни следовали друг за другом.

17. Среди предложений, имеющих одни и те же члены в одной и той же последовательности, но различающихся между собой по количеству или по качеству, одни называются *подчиненными* (subalternoe), другие - *противными* (contrarioe), третьи - *подпротивными* (subcontrarioe) и, наконец, четвертые - *противоречащими* (contradictorioe).

Подчиненными называют общие и частные предложения одинакового качества, например: *всякий человек есть живое существо, некоторый человек есть живое существо* или *ни один человек не умен, некий человек не умен*. Если из двух таких предложений общее истинно, то истинно и частное.

Противными являются общие предложения различного качества, например: *всякий человек счастлив, ни один человек не счастлив*. Если одно из этих предложений истинно, то другое должно быть ложным, но они могут также быть ложными оба, как в указанном примере.

Подпротивными являются частные предложения противоположного качества, например: *некий человек образован, некий человек не образован*. Эти предложения не могут быть оба ложными, но оба могут быть истинными.

Противоречащими являются предложения, отличные друг от друга как по количеству, так и по качеству, например: *всякий человек есть живое существо, некий человек не есть живое существо*. Эти предложения не могут быть одновременно и истинными, и ложными.

18. Говорят, что предложение следует из двух других предложений, и если последние истинны, то нельзя отрицать и истинность заключения. Предположим, например, что следующие два утверждения: *всякий человек есть живое существо* и *всякое живое существо есть тело* - истинны; отсюда следует, что *тело* - имя всякого живого существа, а *живое существо* - имя всякого человека. Раз мы признали это за истину, то нельзя полагать, будто *тело* не является именем, применимым ко всякому человеку, т.е. будто предложение *всякий человек есть тело* ложно. Это предложение выводится из двух предыдущих или с необходимостью следует из них.

19. Из ложных предпосылок иногда может быть выведено правильное по существу предложение, но ложное предложение никогда не может быть выведено из правильных утверждений. Ибо при предположении правильности следующих предложений: *всякий человек есть камень* и *всякий камень есть живое существо* (оба - ложные предпосылки) - необходимо также признать, что *живое существо* есть имя, применимое ко всякому камню, а *камень* - к какому-либо человеку, и предложение *всякий человек есть живое существо* истинно, как это на самом деле и есть. Отсюда следует, что истинное утверждение иногда может быть выведено из ложных предпосылок, но из двух правильных предпосылок никогда не может быть выведено утверждение ложное. Ибо если можно выводить истинное из ложного при условии, что ложное принимают за истинное, то таким же путем может быть выведена истина из двух правильных предпосылок.

20. Поскольку, как мы видели, из истинных предложений всегда следует ис-

тинное предложение, и понимание истинности двух предложений является причиной понимания истинности и того, что из них выводится, то обе посылки называются обычно причинами вывода, или заключения. Вот почему логики называют *причины посылками* заключения, против чего не приходится возражать, хотя это не совсем правильная формулировка, ибо если одна мысль (*intellectio*) и является причиной другой мысли, то одно предложение (*oratio*) не является причиной другого предложения. Ведь утверждать, что причиной свойств какой-либо вещи является сама вещь, — значит говорить нелепость. Представляя себе фигуру, например треугольник, мы знаем, что углы треугольника равны двум прямым, и можем отсюда заключить, что углы представляемой нами фигуры равны двум прямым. И вот на том же основании говорят: эта фигура и есть причина равенства углов. Но так как сама фигура не производит своих углов и не может быть поэтому *производящей* причиной, то ее называют причиной *формальной*, хотя в действительности она вообще не является причиной. Свойство какой-нибудь фигуры не возникает после появления этой фигуры, а существует одновременно с ней. Верно только то, что познание фигуры предшествует познанию ее свойств, и одно познание в самом деле является причиной другого познания, а именно его производящей причиной.

Вот что можно сказать о предложении, которое в ходе развития философии представляет собой первый шаг, как бы движение одной ноги. Переходя теперь к силлогизму, я прибавляю, как это требуется. движение второй ноги и завершаю первый шаг.

[С. 92-103].

И. Кант

ЛОГИКА

Пособие к лекциям⁵³

Отдел второй. О СУЖДЕНИЯХ

§ 17. Объяснение суждения вообще

Суждение есть представление единства сознания различных представлений или представление об их отношении, поскольку они образуют понятие.

§ 18. Материя и форма суждений

Каждому суждению в качестве существенных составных частей принадлежат *материя* и *форма*. В данных познаниях, связанных в суждении в единство сознания, состоит *материя* суждения; - в определении вида и способа того, как различные представления в качестве таковых принадлежат к единому сознанию - *форма* суждения.

---

⁵³ См.: Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. 404-415.

§ 19. Предмет логической рефлексии - чистая форма суждений

Так как логика отвлекается от всякого реального или объективного различия познания, то заниматься материей суждений она может столь же мало, как и содержанием понятий. Следовательно, она может принимать в соображение различие суждений исключительно в отношении одной их формы.

§ 20. Логические формы суждений: количество, качество, отношение и модальность

Различия суждений в смысле их формы могут быть сведены к четырем основным моментам - *количеству, качеству, отношению и модальности*, соответственно которым получается столько же различных видов суждений.

§ 21. Количество суждений: общие, частные и единичные

По количеству суждения бывают или *общими*, или *частными*, или *единичными*, смотря по тому, *целиком* ли субъект в суждении включается в понятие предиката или исключается из него, или же только *частично* включается или исключается из него.

В *общем* суждении сфера одного понятия целиком заключена внутри сферы другого; в *частном* суждении часть первого понятия находится в сфере другого, и, наконец, в *единичном* суждении одно понятие, не имеющее никакой сферы, содержится, следовательно, в сфере другого просто как часть.

Примечание 1. В применении единичные суждения по логической форме равноценны общим, ибо у обоих предикат имеет значимость относительно субъекта без исключения. В единичном положении, например *Кай смертен*, исключение может быть столь же мало, как и в общем: *все люди смертны*. Ибо существует только один Кай.

2. В отношении общности знания между положениями, высказанными в *общем виде* [generalen], и *универсальными*, [universalen] имеется реальное различие, которое логики, правда, вовсе не касается. Именно, положения, высказанные в общем виде, суть такие, которые содержат лишь нечто из общего [знания об] известных предметах, а следовательно, не содержат достаточных условий для подчинения [subsumtion], - как, например, положение: доказательства нужно вести основательно;

универсальные положения суть те, которые относительно предмета утверждают что-нибудь вообще.

3. Общие правила являются общими или *аналитически*, или *синтетически*. *Первые* отвлекаются от различий; *последние* принимают во внимание [attendieren] и различия, а следовательно, определены и по отношению к ним. Чем более простым мыслится объект, тем скорее возможна аналитическая общность согласно понятию.

4. Если общие положения не могут быть усмотрены в их общности помимо познания их in concrete, то они не могут служить руководящей нитью, а следовательно, не могут иметь *эвристического* значения для применения и являются

лишь задачами исследования общего основания для того, что впервые становится известным из частных случаев. Например, положение: *кто не имеет интереса лгать и знает истину, тот говорит правду*, этого положения нельзя усмотреть в его общности, так как ограничение условием незаинтересованности мы познаем лишь из опыта, а именно, что из интереса люди могут лгать, а это происходит потому, что они не твердо связаны с моральностью. Это наблюдение лишь знакомит нас со слабостями человеческой природы.

5. Относительно *частных* суждений можно заметить, что, если они должны быть усматриваемы разумом и, следовательно, иметь рациональную, а не интеллектуальную только (абстрактную) форму, то субъект должен быть более широким понятием (*conceptus latior*), чем наоборот, не может, если оно больше. Следовательно, это лишь случайным образом частное суждение [*particular*].

§ 22. Качество суждений: утвердительные, отрицательные, бесконечные

По качеству суждения бывают или *утвердительные*, или *отрицательные*, или *бесконечные*. В *утвердительном* суждении субъект мыслится *под* сферой предиката, в *отрицательном* он полагается *вне* сферы последнего и в *бесконечном* - в сфере понятия, лежащего вне сферы другого.

Примечание 1. Бесконечное суждение указывает не только то, что субъект не содержится под сферой предиката, но и то, что он находится вне его сферы, где-то в бесконечной сфере; следовательно, сферу предиката это суждение представляет ограниченной. (...)

2. По принципу исключенного третьего (*exclusi tertii*) сфера одного понятия является в отношении сферы другого или *исключающей*, или *включающей*. Так как логика имеет дело лишь с формой суждения, а не с понятиями по их содержанию, то различие бесконечных суждений от отрицательных не относится к этой науке.

3. В отрицательных суждениях отрицание всегда касается связки; в бесконечных суждениях отрицанием затрагивается не связка, а предикат, что лучше всего можно выразить по-латыни.

§ 23. Отношение суждений: категорические, гипотетические, дизъюнктивные

По отношению суждения бывают или *категорическими*, или *гипотетическими*, или *дизъюнктивными*. А именно данные в суждениях представления подчинены одно другому в единстве сознания или *как предикат субъекту*, или *как следствие основанию*, или *как член деления делимому* понятию. Первым отношением определяются *категорические* суждения, вторым - *гипотетические* и третьим - *дизъюнктивные*.

§ 24. Категорические суждения

В категорических суждениях субъект и предикат образуют их материю; форма, посредством которой определяется и выражается отношение (...) между субъектом и предикатом, называется *связкой*.

Примечание. Хотя категорические суждения и образуют материю остальных

суждений, тем не менее, не следует думать, как многие логики, что как гипотетические, так и дизъюнктивные суждения суть не что иное, как различное выражение категорических, и что поэтому все их можно свести к последним. Все три вида суждений основываются на существенно различных логических функциях рассудка и поэтому должны рассматриваться в своем специфическом различии.

§ 25. Гипотетические суждения

Материя *гипотетических* суждений состоит из двух суждений, соединенных одно с другим как основание и следствие. Одно из этих следствий, содержащее основание, есть *предшествующее положение* (*antecedens, prius*); другое, относящееся к первому как следствие, - *последующее положение* (*consequens, posteriorius*); представление об этом виде соединения обоих суждений друг с другом в единстве сознания называется *выводом*, который образует *форму* гипотетических суждений.

Примечание 1. Таким образом, чем для категорических суждений служит связка, тем для гипотетических вывод - их формой.

2. Некоторые думают, что гипотетическое положение легко превратить в категорическое. Но это невозможно, так как они совершенно различны по своей природе. В категорических суждениях нет ничего проблематического, но все ассерторическое; напротив, в гипотетических суждениях ассерторическим является лишь вывод. Поэтому в последних я могу соединить друг с другом и два ложных суждения, ибо здесь дело идет не о правильности соединения - *форме вывода*, на чем покоится логическая истинность этих суждений. Есть существенное различие между двумя положениями: все тела делимы и, - если все тела сложны, то они делимы. В первом положении я прямо утверждаю факт; в последнем - лишь под условием, выраженным проблематически.

§ 26. Виды соединения в гипотетических суждениях: **modus ponens и modus tollens**

Форма соединения бывает в гипотетических суждениях двоякая: *полагающая* (*modus ponens*) или *устраняющая* (*modus tollens*).

1. Если основание (*antecedens*) истинно, то истинно и определяемое им следствие (*consequens*) - *modus ponens*.

2. Если следствие (*consequens*) ложно, то ложно и основание (*antecedens*) - *modus tollens*.

§ 27. Дизъюнктивные суждения

Суждение является дизъюнктивным, если части сферы данного понятия взаимно определяют друг друга в целом или как дополнения до целого.

§ 28. Материя и форма дизъюнктивных суждений

Несколько данных суждений, из которых составлено дизъюнктивное суждение, образуют *материю* последнего и называются *членами дизъюнкции*, или *противоположениями*. В *самой дизъюнкции*, т.е. в определении отношения раз-

личных суждений, как взаимно исключаящих и дополняющих друг друга членов целой сферы делимого знания, состоит форма этих суждений.

Примечание. Следовательно, все дизъюнктивные суждения представляют собой различные суждения в *общности единой сферы* и создают каждое суждение лишь посредством ограничения другого в отношении целой сферы; следовательно, они определяют отношение каждого суждения к целой сфере, а тем самым и отношение, которое эти различные члены деления (*membra disjuncta*) имеют между собою. Таким образом, один член определяет здесь всякий другой, лишь поскольку они в своей совокупности находятся в общении, как части целой сферы знания, *вне которой в известном отношении нельзя ничего мыслить*.

§ 29. Отличительный характер дизъюнктивных суждений

Отличительный характер всех дизъюнктивных суждений, посредством которого определяется их специфическое отличие от остальных суждений отношения, в частности от категорических суждений, состоит в том, что члены дизъюнкции в совокупности суть проблематические суждения, относительно которых мыслится лишь то, что они, как части сферы единого знания - будучи каждый дополнением другого до целого (*complementum ad totum*), — равны сфере первого. А отсюда следует, что в одном из этих проблематических суждений должна содержаться истина, или, что то же, что одно из них должно иметь значение *ассерторического*, так как вне их при данных условиях сфера знания ничего более не содержит, а каждое из них противоположно другим. Следовательно, не может быть истинным что-либо *вне их*, и *из них* может быть истинным только одно.

Примечание. В категорическом суждении вещь, представление которой рассматривается как часть сферы другого подчиненного представления, содержится под этим своим высшим понятием; следовательно, здесь в подчинении сфер часть за частью сравнивается с целым. В дизъюнктивных же суждениях я иду от целого ко всем частям в совокупности. Что содержится под сферой понятия, то содержится и под частью этой сферы. Поэтому прежде всего должна быть разделена сфера. Если я совершаю дизъюнктивное суждение, например: ученый есть ученый или исторических, или рациональных наук, то этим я определяю, что эти понятия, по сфере, суть части сферы ученых, но отнюдь не части друг друга и что, взятые все вместе, они образуют целое.

В дизъюнктивных суждениях рассматривается не сфера делимого понятия, как содержащегося в сфере делений, но то, что содержится под делимым понятием, как содержащееся под одним из членов деления. Этот факт можно представить более наглядно с помощью нижеследующей схемы сравнения между категорическими и дизъюнктивными суждениями.

§ 30. Модальность суждений: проблематические, ассерторические, аподиктические

По модальности, которою определяется отношение всего суждения к познавательной способности, суждения являются или *проблематическими*, или *ассерторическими*, или *аподиктическими*. Проблематические суждения сопровождаются сознанием лишь возможности, ассерторические - сознанием действительности и, наконец, аподиктические - сознанием необходимости суждения.

Примечание 1. Следовательно, этот момент модальности показывает лишь вид и способ того, как что-либо утверждается или отрицается в суждении: здесь относительно истинности или неистинности суждения либо ничего не решается, как в проблематическом суждении:

душа человека может быть бессмертна; либо относительно истинности что-нибудь устанавливается - как в ассерторическом суждении: человеческая душа бессмертна; либо, наконец, истинность суждения выражается даже со значением [Dignitat] необходимости - как в аподиктическом суждении: душа человека должна быть бессмертна. Таким образом, это определение только возможной, или действительной, или необходимой истинности касается лишь *самого суждения*, но отнюдь не *вещи*, о которой судят.

2. В проблематических суждениях, которые можно объяснять и как такие, материя которых дана с возможным отношением между предикатом и субъектом, субъект всегда должен иметь меньшую сферу, чем предикат.

3. На различии между проблематическими и ассерторическими суждениями основывается подлинное различие между суждениями и *положениями* (Sätzen), которое раньше обыкновенно неправильно полагали только в [способе] выражения посредством слов, без которых ведь и вообще нельзя судить. В суждении отношение различных представлений к единству сознания мыслится лишь как проблематическое. Проблематическое положение есть *contradictio in adjecto*. Прежде чем я имею положение, я уже должен судить; и я сужу о многом, чего я не выражаю [ausmache], но что я должен сделать, коль скоро определяю суждение как *положение*. Впрочем, прежде чем допускать суждение ассерторическое, полезно сначала судить проблематически, чтобы проверить его этим способом. Да для наших целей и не всегда нужно иметь ассерторическое суждение.

§ 31. Суждения, требующие истолкования [exponible]

Суждения, в которых одновременно содержится утверждение и отрицание, но скрытым образом, так что утверждение делается отчетливо, а отрицание скрыто, - суть *положения, требующие дополнительного истолкования*.

Примечание. В суждении, требующем истолкования, например: немногие люди учены - содержится 1) отрицательное суждение, но скрыто: многие люди не учены и 2) утвердительное: некоторые люди учены. Так как природа подлежащих истолкованию положений зависит единственно от условий языка, благодаря которым можно сразу выразить вкратце два суждения, то замечание, что в нашем языке могут существовать суждения, которые должны быть истолкованы, относится не к логике, а к грамматике.

§ 32. Теоретические и практические положения

Теоретическими положениями называются те, которые относятся к предмету и определяют, что ему принадлежит. Напротив, *практические* положения суть те, которые высказывают действие, посредством которого, как необходимого условия, объект становится возможным.

Примечание. Логика может трактовать практические положения только в отношении формы; лишь в этом отношении они и противоположны *теоретическим*. Практические положения *по содержанию* принадлежат к морали и постольку отличаются от *спекулятивных*.

§ 33. Недоказуемые и доказуемые положения

Доказуемые положения суть те, которые допускают доказательство; положения, не допускающие доказательства, называются *недоказуемыми*.

Непосредственно достоверные суждения недоказуемы и, следовательно, должны рассматриваться как *элементарные* положения.

§ 34. Основоположения

Непосредственно достоверные суждения a priori могут называться *основоположениями*, поскольку из них доказываются другие суждения; сами же они не могут быть подчинены никакому другому. Поэтому они называются также *принципами* (началами).

§ 35. Интуитивные и дискурсивные основоположения: аксиомы и акроамы

Основоположения являются или *интуитивными*, или *дискурсивными*. Первые могут быть представлены в созерцании и называются *аксиомами* (axiomata); последние могут выражаться лишь посредством понятий и могут быть названы акроамами (acroamata)

§ 36. Аналитические и синтетические положения

Аналитическими положениями называются те, достоверность которых основывается на *тождестве* понятий (предиката с понятием субъекта). Положения, истинность которых основывается не на тождестве понятий, должны быть названы *синтетическими*

Примечание 1. Всякому x , к которому относится понятие тела ($a + h$), принадлежит также протяжение (c) - пример *аналитического* положения.

Всякому x , к которому относится понятие тела ($a + h$), принадлежит также *протяжение* (c) - пример *синтетического* положения. Синтетические положения увеличивают познание *материально* [materialiter]; аналитические - лишь *формально* [formaliter]. Первые содержат *определения* [determinations], последние - лишь *логические предикаты*

2. Аналитические принципы не суть аксиомы, так как они *дискурсивны*. Но и синтетические принципы лишь тогда аксиомы, когда они *интуитивны*

§ 37. Тавтологические положения

Тождество понятий в аналитических суждениях может быть или *выраженным* (explicitum), или *невыраженным* (implicitum). В первом случае аналитические положения *тавтологичны*

Примечание 1. Тавтологические положения *виртуально* пусты, или безрезультатны, так как они бесполезны и неупотребительны. Пример такого тавтологического положения: *человек есть человек*. Ибо если я о человеке не могу сказать большего, чем то, что он человек, то я ничего больше и не знаю о нем.

Напротив, *implicite* тождественные положения не безрезультатны и не бесплодны, ибо предикат, находящийся в понятии субъекта в неразвитом состоянии (*implicite*), они делают ясным путем развертывания (*explicate*).

2. Безрезультатные положения нужно отличать от *бессмысленных*, бессодержательных для рассудка потому, что они касаются определения так называемых *скрытых качеств* (qualitates occultae).

§ 38. Постулат и проблема

Постулат есть практическое, непосредственно достоверное положение или основоположение, определяющее возможное действие, относительно которого предполагается, что способ его осуществления непосредственно известен.

Проблемы (problemata) суть демонстративные, нуждающиеся в определении положения, или положения, которые высказывают действия, способ осуществления которых не известен непосредственно.

Примечание 1. Могут быть и *теоретические* постулаты для потребностей практического разума. Это - теоретические, необходимые для целей практического разума гипотезы, как гипотеза существования бога, свободы и иного мира.

2. К проблемам относятся: 1) *Quaestion*, указывающее, что должно быть исполнено; 2) *Resolution*, указывающее на вид и способ, каким может быть осуществлено предпринимаемое, и 3) *Demonstration* того, что если бы я действовал так, то требуемое произошло бы.

§ 39. Теоремы, королларии, леммы, схолии

Теоремы суть теоретические, допускающие и требующие доказательства положения. *Королларии* — непосредственные следствия из одного из предшествующих положений. *Леммами* (lemmata) называются положения, которые не являются собственными (emheimisch) в науке, где они принимаются за доказанные, но заимствованные из других наук. Наконец, *схолии* суть простые *проясняющие* положения, которые, следовательно, не принадлежат к целому системе как его члены.

Примечание. Существенными и общими моментами теоремы являются *тезис* и *доказательство*. Впрочем, различие между теоремами и короллариями можно полагать и в том, что последние выводятся непосредственно, а первые — путем выводов из непосредственно достоверных положений.

§ 40. Суждения восприятия и суждения опыта

Суждение восприятия только субъективно; объективное суждение из восприятия есть *суждение опыта*

Примечание. Суждение из простых восприятии возможно лишь благодаря тому, что свое представление я высказываю как *восприятие*: я, воспринимающий башню, воспринимаю в ней красный цвет. Но я не могу говорить: *она красная*. Ибо это было бы не только эмпирическим, но и опытным суждением, т.е. эмпирическим суждением, благодаря которому я получаю понятие об объекте. Например: *при прикосновении к камню я ощущаю теплоту* - есть суждение восприятия; напротив *камень тепл* - суждение опыта. Последнему свойственно то, что имеющееся лишь в моем субъекте я не считаю объектом, так как суждение опыта есть восприятие, из которого получается понятие об объекте, например движется ли светлая точка *на луне*, или *в воздухе*, или *в моем глазу*.

Г.В.Ф. Гегель **ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА**⁵⁴

К образованности относится умение судить об отношениях и предметах действительности, именно для этого и нужно знать, от чего это зависит, что такое природа и цель как вещей, так и их отношений друг к другу. Эти аспекты открываются человеку не непосредственно через созерцание, а благодаря занятиям этой вещью, благодаря размышлению как о ее цели и сущности, так и о средствах, насколько они действительны или недействительны. Необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания. Его глаза закрыты, и он не видит того, что лежит у его ног. Это только субъективное видение и постижение. Он не видит суть. Он лишь приблизительно знает, какова вещь, да и то *не как следует*, потому что только знание всеобщих аспектов направляет человека на то, что нужно рассматривать главным образом. Вернее даже, знание всеобщих аспектов уже и есть главное самой этой вещи, оно уже включает в себе ее важнейшие отделы, в которые, стало быть, остается лишь, так сказать, вложить внешнее наличное бытие, и следовательно, это знание способно постигать гораздо легче и правильнее.

Противоположностью неумения судить является манера судить обо всем чересчур поспешно, без понимания. Такое торопливое суждение основывается на том, что становятся на одностороннюю точку зрения, берут один аспект и тем самым упускают из виду истинное понятие вещи, не обращают внимания на остальные аспекты. Образованный человек знает в то же время *границы своей способности суждения*.

[С. 62-63]

⁵⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 7-212.

Истинным субъектом суждения всегда служит неопределенно мыслимый предмет, о котором всегда предполагается, что его содержание никак не исчерпывается сполна тем свойством, каким он характеризуется в подлежащем. Этот неопределенно мыслимый предмет ставится в суждении нашей мыслью в качестве некоторого *X*, чего-то такого, что в пределах этого суждения остается неисчерпанным со многих сторон и что может быть исчерпано сполна в своем содержании лишь в целом ряде суждений. Определенное представление, которое непосредственно соединяется с термином подлежащего, имеет своею целью только указать на этот предмет, только сделать, так сказать, намек на то, на что направлена мысль, чему намереваются приписать известное определение. Подлинный смысл суждений всегда таков: предмет, который ближайшим образом характеризуется для нас такою-то совокупностью признаков (то есть теми представлениями, которые непосредственно соединяются с термином подлежащего), имеет, кроме того, еще такие-то признаки, составляет в сущности только часть содержания предмета... Этим отчасти объясняется, почему мы отлично понимаем друг друга при взаимной передаче мнений о предметах, тогда как термины, обозначающие предметы, часто вызывают далеко не сходные представления у различных людей. Важно не то, что один с термином "человек" непосредственно соединяет представление о разумно-нравственном существе, другой - известный видимый образ, что даже этот образ очерчивается далеко не тождественно в представлении различных людей, напр., в мысли зрячего и слепого; важно не то, что метка оказывается не одинаковой; взаимное понимание вполне обеспечено, если разные метки указывают на одни и те же предметы, на одну и ту же неопределенную полноту содержания, из которой они взяты для ее же характеристики, так как в суждении ей именно приписывается определение, а не тому определенному понятию, которое соединяется с термином подлежащего.

[С. 88]

---

⁵⁵ См.: Каринский М. Классификация выводов. М., 2004.

Хрестоматия

ЛОГИКА

Составитель
кандидат юридических наук
Фомичёв Андрей Юрьевич

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 0440 от 22.12.06 г.

Подписано в печать _____ г. Формат 60x90¹/₁₆.

Учет.-изд.л. – 4,8. Тираж _____. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ.
302027, г. Орел, Игнатова, 2.